18+

Марк Темник

Тень райского искусителя

Марк Темник

Тень райского искусителя

«Издательские решения»

Темник М.

Тень райского искусителя / М. Темник — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.Укрытый смогом провинциальный город, в котором людские пороки, юродствуя, торжествуют над разумом. Там старинные часы в заброшенной библиотеке хранят тайну, ведущую в подземелье древнего особняка. Зло, зарегистрированное в доме напротив, мило улыбается при встрече, и чувственная страсть, как спасение, вспыхивает вопреки обстоятельствам.

© Темник М.
© Издательские решения

Содержание

Сыну посвящается 6
Пролог 7
Глава 1 8
Глава 2 12
Глава 3 15
Глава 4 22
Глава 5 27
Глава 6 32
Глава 7 40
Глава 8 45
Глава 9 53
Конец ознакомительного фрагмента. 54

Тень райского искусителя

Марк Темник

© Марк Темник, 2026

ISBN 978-5-0071-6312-5
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сыну посвящается

Пролог

— Душа моя, — медленно плыл над бесчисленными розовыми бутонами вкрадчивый, надменный голос, — ты же понимаешь, что меры принять всё равно придётся. Эта тля покоя теперь не даст. Посмотри — все листья скрутила. Опрыскивай, не опрыскивай — результата нет. Нужен кардинальный подход. И чем скорее, тем лучше. А иначе придётся весь сад вырезать.

— Говори громче! — откликнулся сиплый голос, хоть и по-старчески капризный, но готовый внимать. — Не слышу тебя!

— Меры нужны, душа моя, — повторил не терпящий возражений голос, плывший над розовыми бутонами. — Необходимы срочные меры.

Глава 1

— Нет, милая! Мозг выносить ты будешь теперь кому-нибудь другому!

Транслируя на экране очаровательное личико в ангельских кудрях, телефон надрывно гудел. Вещи одна за другой летели в сумку.

— Всё! Все вопросы к папе!

Провернув ключ в замке, Семён слетел по ступеням гулкого подъезда, громыхнул входной дверью, добежал до машины — и вот он уже, в стремлении вырваться из поглотившей его духоты, застревал на каждом перекрёстке.

Радио негромко выдавало аллегретто сургановских кораблей, пальцы отбивали такт по колену, телефон на панели продолжал рычать настырно, глаза из-под солнцезащитного козырька нетерпеливо вымаливали зелёную отмашку.

О том, как его угораздило так надолго завязнуть в чужой инфантильности, Семён задумываться перестал. Ответа всё равно не находилось. Нет чтобы сразу всё по местам расставить… Не узнавая себя, тянул чего-то — всё скуку убивал. Теперь, готовый к спору об ответственности за приручённых, он скрывался: со временем намотанные друг на друга обстоятельства не оставили выбора, вынудив бежать.

***

Не более часа езды, и вот он наконец — тот тихий, уютный, утопающий в зелени городок, в котором была возможность, стряхнув с себя мирскую суету, побыть в самозабвенном одиночестве.

Как и любое поселение Каменск имел свою историю. И началась она в 1799 году, когда подле сельца в два десятка дворов, затерянного в глухих Торских лесах, некто М.-П. в своём имении обустроил не просто мельницу, а бумажную мануфактуру.

Чуть выше того места, где река Осуга, сливаясь с Негочью, срывалась с каменистой гряды, превращаясь в сплошной пенистый гул и летящие брызги, вырос бревенчатый корпус, и несколько десятков крепостных крестьян начали тяжелейшим трудом отрабатывать барщину — лить плотную обёртку для сахарных голов, синие листы бумаги из перемолотой в однородную кашицу прокисшей ветоши.

Быстротечное время меняло хозяев, и, перейдя из рук в руки несчётное количество раз, мануфактура в конце концов легла ставкой в затяжной игре.

Так, в одну из петербургских морозных ночей её вместе с долгами и заложенными землями подчистую выиграл у промотавшегося гвардейца московский купец первой гильдии Демьянов. Человек дела, он не собирался вникать в устройство чанов на далёкой Осуге. Удалив с купчей сургучные печати былого владельца, Демьянов-старший попросту преподнёс мануфактуру сыну своему Дмитрию в день его женитьбы как приданое к новой жизни и как испытание на прочность для молодого хозяина.

Весной 1893, приехав в тогда ещё Каменку с дипломом инженера и чемоданом немецких чертежей, — подтянутый, в модном сюртуке, с мечтой заменить прокисшую ветошь на современные паровые машины, — молодой Демьянов был символом новой, энергичной России. И к началу века двадцатого его усилиями поселение обросло всеми теми хозяйственными объектами, что делают жизнь промышленно наполненной и имеющей качество работы отлаженного механизма.

Теперь же, отступив на достаточно приличный срок от тех великих времён, жизнь вносила свои пассивные коррективы, ничем и отдалённо не напоминающие тяги к совершенству.

***

Въезжая в Каменск, беглец сбросил скорость. Будто тихим, осторожным шагом он вступал в город, в котором много лет назад учительствовал его дед. И стоит ли описывать, сколь велико было то разочарование, в которое погрузилось его сознание, когда он понял, что очутился не в благоуханном провинциальном раю, а в самой глубинной периферии с вязким, бесцветным увяданием жизни в ней.

Путь его осторожного следования в неплотном движении сопровождали крикливо-яркие вывески сетевых магазинов, чьи переполненные ржавые мусорные баки щедро делились с ветром ошмётками целлофана и бумажных упаковок. Тот игриво подхватывал эти мятые лоскуты, вальсировал ими в воздушном танце, обронив, тащил по асфальту, прибивал к обочинам и забывал о них, наигравшись.

Масса хмурых, едва ли не скорбных лиц, — каждое из которых было одиноко-понуро устремлено к своей цели, — хаотично спешила куда-то, и её не смущала подстилка из мусора под ногами, и дела ей не было до шалостей ветра над головой. Казалось, само солнце в своём лучезарном сиянии, попусту напрягаясь в вышине, не способно было сделать её мир ярче.

Лента щербатого асфальта с еле различимой разметкой раскраивала город надвое; вырождаясь в коряво-изрытую грунтовку, она срывалась в безликие дворы обшарпанных зданий и квадратные периметры трёхэтажных жилых блоков.

Приземистые длинные бараки, как делянки иссохших чёрных грибов, тут и там разбавляли и без того невзрачный облик мёртвых форм.

Повсюду виднелась раскиданная лысая резина; заботливо окрашенная в кислотно-радужные цвета, она была приспособлена под клумбы и словно олицетворяла добровольную утилизацию и без того скромного существования в отходы чужого достатка.

Дети в сандалиях бродили средь просторных рыже-маслянистых луж и, погрузившись в недетскую задумчивость, созерцали влекомые движением ног круги. Маленьким жителям, потерявшимся во взрослой безучастности, не находилось места во дворах — там в бесплодную почву врастали изъеденные проказой остовы машин да бельевые верёвки, прогнувшись, удушали пустоту, хлеща по ветру плохо выжатым, линялым тряпьём.

Семёну не раз и не два доводилось бывать в местах, подобных этим. Один лишь вид издалека воскрешал в памяти слезящее глаза смердение нечищеных выгребных ям — тот неистребимый дух, который навсегда оседает в памяти как принадлежность чужой нищеты. Беда могла копиться здесь годами, и зачастую именно в местах, подобных этим, находились ответы на вопросы, возникающие по звонку в дежурную часть.

Семён отключил бормочущее радио. Опустошающая тоска, сжимая горло, требовала тишины.

Доехав до центрального перекрёстка, Семён притормозил у пешеходного перехода и потрясённо воззрился на представшее перед ним здание. То был исполненный величавой монументальности дом, похожий на тяжёлый старинный локомотив, готовый сорваться с места — сама индустриальная поэзия в камне. Краснокирпичный колосс посреди провинциальной скупости. Он приковывал искушённый взгляд — он завораживал благородной асимметрией и сложным ритмом линий. В приземлённой современности, окружающей его мощный силуэт, он казался достопочтенным гостем, прихотью судьбы заброшенным в глухой уезд.

И всё же хоть и дремал этот гость, укрытый устоявшимся смогом, но слышен был в его подземном железобетонном нутре рёв затаённого могущества стихии — яростный рокот, неподвластный времени. Сквозь многие десятки лет здание несло свою тайну бурлящего жизнью потока так же угрюмо, как и силу — спокойное снаружи, оно вибрировало от внутреннего надрыва, который в привычном внешнем равнодушии некому было оценить.

Ошеломлённый увиденным, Семён не сразу услышал нервозный перегуд позади: подобное творение — и в таком месте!

Теперь, согласно навигатору и памяти, надо было свернуть направо.

Оставив позади деловую часть города и трёхэтажные кварталы с их бетонными пустырями, Семён проехал через мост, и на возвышенности правобережья его взгляду открылась деревянная застройка. Плавной линией она тянулась вдоль неширокой присмиревшей речушки. Более чем скромные дома, прикрытые дико разросшейся зеленью, ютились здесь сиротливо, приткнувшись друг к другу своими гаражами.

И вновь, не торопясь, продвигался Семён по ухабистой дороге. И чем глубже продвигался, тем более удручающая картина перед ним представала. Шум центра с его автомобильным гулом и рёвом вырывающихся из потока мотоциклов здесь сменился звучанием иного рода: богатая площадной бранью музыкальная какофония вышибала дух; ей вторил остервенелый лай тварей, рвущих цепи за решётками стальных оград; над завалившимися сараями бились изодранные ветром и дождями символы государственности; и дым — кислый миазм пригоревшего в луке уксуса нещадно изъедал ноздри.

Забывшись, Семён прикрыл глаза: вкупе это выглядело как официально закреплённый психологический садизм — хорошо знакомая ему беспросветная вакханалия беспринципной наглости одних в результате трусливого смирения других.

— Ладно, — сказал впечатлённый гость вполголоса, когда грубый толчок напомнил ему, что он за рулём и на грунтовке. — Пора выбираться из этого концентрата.

***

К тому времени как Семён выехал за город, плечи его под гнетущим впечатлением от увиденного, казалось, вобрали в себя вместе с шеей и голову. Последним, невместимым в одеревеневший сосуд с ушами откровением оказалось наличие библиотеки — прямо здесь, в лесополосе, обрамляющей некошеные поля.

Одноэтажное деревянное здание с полустёртой вывеской над крыльцом и шестью запылёнными окнами. Когда-то его выкрасили в зелёный цвет, но со временем краска облупилась, и вид у приюта мудрости был теперь настолько жалок, что логика происходящего окончательно ускользала. Мудрость веков, заключённая в столь потрёпанную упаковку, лишь подтверждала тезис о том, что ум хорошо устроенный дороже ума хорошо наполненного — ведь блестящая наполненность никак не способствовала процветанию самого места.

Проезжая мимо сего кладезя мудрости по дороге, щедро засыпанной песком, Семён удивлялся: чем могло руководствоваться местное начальство, размещая столь нужное учреждение вне досягаемости народных масс? Хотя тут же готов был согласиться — нет ничего лучше тишины и покоя.

В одном из окон Семён заметил девушку в очках. Она сидела за столом недалеко от входа, и свежая молодость её казалась совершенно неуместной в этих стенах: здесь скорее ожидалось увидеть почтенную матрону в пенсне и с жеманным прононсом. Подперев щёку кулачком, девушка склонялась над книгой. Длинная прядь светло-русых волос касалась страниц. Там, видимо, было очень интересно написано, потому как никакие звуки со стороны улицы не отвлекали её. Притормозив, Семён позволил взгляду отдохнуть на незнакомке, вспомнил, что надо позвонить маме, и поехал дальше. Ухабистая извилистая дорога вела его через поле, туда, где у самого леса виднелась одинокая крыша.

***

Не без тайного волнения Семён подъехал к воротам, вышел из машины и огляделся не торопясь. Вот она — изба деда. Бревенчатая, с резными наличниками и крепким крыльцом — она будто дремала, укрытая тенью леса. В её ладной добротности всё ещё угадывалась заботливая рука ушедшего хозяина.

Вспоминая, как давно он здесь не был, Семён задумался. Последний раз, кажется, лет двадцать назад, сразу после школы. А потом стало некогда… И в груди теперь засело тоскливое сожаление и об упущенном времени, и о том, что истлело, отложенное в долгий ящик.

В доме пахло глиной, травами и годами промозглого одиночества. В прихожей деревянная самодельная вешалка. На ней старый плащ-накидка с капюшоном. В углу, за дверью, чёрные резиновые сапоги, плетённые из ивняка корзинки одна в другой.

Вот дед собирается в лес поутру — осторожно, чтобы не разбудить маленького Сёму. Но тот, всё же проснувшись, видит его в рассветных лучах сквозь ресницы, сомкнутые сладкой дрёмой. Прежде чем выйти за дверь, дед подходит к кровати внука, прикладывается губами к взъерошенной макушке, поправляет одеяло… и кажется незыблемым, как и сам мир, что его окружает.

Сердце дома — массивная выбеленная печь, разделяющая пространство. Прямо в её боковую стенку втёрто круглое зеркальце. Семён подошёл к нему и замер, встречаясь взглядом с собственным отражением. Из мутной глубины на него смотрело неширокое лицо с высоким лбом, который теперь казался исчерченным уже заметными морщинами. Тёмная небритость скул, прямой нос, линия губ — выразительная, чуть сжатая привычкой к сдержанности. Взгляд с затаённой серо-зелёной насмешкой — он без утайки предупреждает: «Бойся меня, я всё о тебе знаю!» Семён улыбнулся с грустью, вспомнив, что мама называет это породой, привычным движением руки закинул назад волосы, подстриженные на манер пятидесятых, и подумал с сожалением, что от этого человека из прошлого ему уже никуда не деться.

В просторной комнате с двумя по-деревенски небольшими оконцами ничего не изменилось. Старый потемневший комод в простенке меж окон, несколько фотографий над ним. Щедрая дедова библиотека. Она занимала бóльшую из стен. Замершие часы-ходики с мишками Шишкина. Рука потянулась к цепочке с гирькой, но без капли масла та не подалась. Дальше — обшарпанный глобус на круглом столе посреди комнаты. Маленький Сёма спрашивал иной раз, куда дед идёт, и тот смеялся в ответ: «В Сингапур!» И Сёма тогда просил показать на глобусе, где находится этот загадочный Сингапур. Далёкие, припрятанные временем воспоминания возвращались, неся с собой тепло давно ушедшего, беззаботного детства и образ деда в нём.

Глава 2

Осторожно одну за другой Семён толкнул створки окон, и свежий прогретый воздух уверенно заполонил дом, изгоняя устоявшийся запах сырости.

Мимолётный взгляд во двор, и сквозь просвет в деревьях у ворот новоявленный хозяин увидел женщину. Торопливо спускаясь с пригорка, она махала кому-то рукой. Поскольку поблизости никого видно не было, Семён поспешил выйти навстречу нежданной гостье.

— Здравствуйте! — звонко приветствовала его гостья, вбежав во двор. — А вы, наверное, внук? — и женщина указала в сторону дома.

Ей было лет пятьдесят, но лёгкая короткая стрижка, футболочка в переливчатых разноцветных пайетках и укороченные брючки делали её моложе — так же, как и открытая улыбка на округлом румяном лице.

— Да, Семён, — представился внук и тут же, глядя на подвижную стать женщины, вспомнил про «кровь с молоком». Нет, не то! Он вспомнил большую тёплую кружку какао с пенкой и круглую свежую пышку, густо посыпанную сахарной пудрой.

— Света, — сказала она без жеманства и протянула ему руку. — Я живу здесь неподалёку, ну и за домом присматриваю. Да вы не удивляйтесь, — согревала она радушием, — у вашего деда половина города училась! Что ж вы оставили всё без присмотра? — продолжила она с мягким укором. — Дом на окраине — растащат ведь!

Готовый оправдаться, Семён набрал воздуха в грудь — в его устоявшейся практике было положено вести диалог согласно чёткому таймингу и жёсткой структуре, соблюдая условие «вопрос — ответ», но Свете не было дела до его условностей.

— А вы как сюда, — продолжила она и посмотрела на Семёна, словно оценивая, — погостить? Или задержитесь?

В голове что-то перемкнуло, и Семён вошёл в ступор. Он уловил игривый интерес в её голосе и теперь, не понимая, что от него требуется, решил помолчать.

«Ничего такой, — отметила меж тем Света, — хорошенький. Не особо высокий, но поджарый — да, породисто поджарый, в масть моим щенкам во дворе. И сила видна, — оценила она его руки. — Взгляд, правда, слишком пронзительный — будто подвоха ждёт. Тяжёлый взгляд, — вынесла Света окончательный вердикт, — опытный».

— Так что? — улыбаясь, настаивала она на ответе. — Задержитесь?

— Пока не знаю. Надо присмотреться, — ответил Семён и улыбнулся неуверенно. Привычка изучать других не предполагала сбоя в положении ролей. Шкура трещала. Он был покороблен. Он чувствовал себя приготовленной к расстрелу мишенью.

— Присматривайтесь, присматривайтесь, — разрешила Света. — У нас здесь хорошо, тихо. Ну сами увидите, — пообещала она.

Чуть склонив голову, женщина продолжала разглядывать Семёна. Он же под её лукавым взглядом силился смириться с чувством прилюдной оголённости, которое одолевало его сейчас.

— А жена ваша, — опять полюбопытствовала Света, изобразив простодушие на лице, — с вами не приехала?

— Не приехала, — с сожалением качнул головой Семён. Здесь суть вопросов прояснилась окончательно, и его подозрения из стадии косвенных улик перешли в стадию улик неопровержимых — его вели как жертву. Противник сокращал дистанцию, оценивая уязвимые зоны.

— Ну да ладно, — махнув рукой, согласилась с положением вещей Света и посмотрела на него кокетливо, отчего мурашки недоброго предчувствия столпились на загривке Семёна. — Не приехала и не приехала! Да?

Ещё секунда — и женщина повернула на выход. В надежде на скорое избавление Семён двинулся за ней.

— Вы если что заходите, — Света вновь остановилась, будто вспомнив о чём-то, и кровь ударила Семёну в голову. — Молочко, творожок, зеленушки какой. Всё своё, — она указала куда-то, видимо, в сторону своего дома. — Я сразу за лесом в шестом доме по правой стороне. А если что подлатать надо, так вы не стесняйтесь, у меня муж на все руки.

Семён выдохнул облегчённо, отпустил своих мурашек вместе с подозрением, кивнул молча и последовал за гостьей до калитки.

— Ой! Семён! Я ведь забыла совсем! — воскликнула Света, уже отойдя порядочно. — У вас тут жилец обитает приблудный! — она вновь легко подбежала к изгороди и указала на жестяную мисочку возле крыльца. — Я его, бывало, подкармливала, но теперь-то уж сами справитесь. Да? И не скучно будет.

В лучших традициях женской логики, Светлана сама спросила, сама ответила, спасибо, что не обиделась, и убежала так же стремительно, как и появилась.

— М-да, — наконец промолвил Семён и затылок почесал. Никогда прежде не доводилось ему вести столь молчаливый диалог. А с другой стороны — не этого ли он хотел, убегая из прошлой жизни? Дикая потребность в молчании. И никаких изымающих нутро вопросов, и никаких вымученных ответов.

Отбросив печали о былом, Семён закрыл глаза, потянулся с наслаждением и, закинув руки за голову, постоял недолго, впитывая в себя усыпляющую тишину.

Позади что-то брякнуло, и, обернувшись к дому, у нижней ступеньки крыльца он увидел жильца. Тот сидел у мисочки. Серая в белую проседь шерсть клоками, хмуро-невозмутимая морда. Глядя на него, Семён вспомнил зеркальце, втёртое в стенку печи, и ушёл в размышления о неотвратимости следа, вложенного в образ даже не самой жизнью, а мыслью, проведённой сквозь неё.

— И что? — спросил он кота опасливо. — Кормить тебя теперь? А чем тебя кормить? У меня колбаса есть. Колбасу будешь? Ты только держись от меня подальше, а то я котов как-то не очень…

Кот не удостоил Семёна ответом — этот двуногий сам всё правильно понял. Не было нужды объяснять, что в доме не тот хозяин, кто кормит, а тот, кто, ни слова не говоря, получает желаемое.

Проспав до полудня и не разлепив толком глаз, Семён первым делом толкнул створки оконца. Зевнул погромче. Потянулся покрепче. Оперевшись о подоконник, стрельнул взглядом по окрестности — лес, поле — ни души! Как разительно отличается всё, что он видит сейчас, от того, чем он дышал днём ранее. Суетное нагромождение излишеств его жизни осталось за порогом вчера, уступив место величию природы и тишине в ней сегодня.

Хотя нет! Вон там, на лугу, бродила одна душа, похожая на девушку из библиотеки. Семён глянул на часы. Да. И время как раз обеденное.

Девушка бродила в задумчивости, по пояс утопая в цветущей траве, и похоже обрывала ромашкам лепестки. Тоненькая, светловолосая, она была будто пронизана солнечными лучами, и Семён, с наслаждением вдыхая забытую свежесть, представил, что глаза у неё…

«Какое мне дело до её глаз? — одёрнул он себя. — Не до глаз мне! А впрочем… библиотекарша-то как раз может и сгодится для пользы дела! Небось шепчет: любит — не любит? — усмехнулся Семён. — Вот, тоже…»

Телефон на столе загудел недовольно и заставил обернуться. Увидев имя, Семён удивился, но трубку поднял и, не выпуская из виду девушку в зелёно-белой пелене, внимательно выслушал собеседника.

— Семён Олегыч, — отрывисто говорил сухой бесстрастный голос с той стороны, — ты уж не обессудь! Узнал, что ты в Каменске. Понимаю, у тебя другая жизнь, но дело такое,

знаешь, скверное! Раз уж ты там оказался, помоги как умеешь! А? А ребят я в помощь пришлю. Обрисуют они там тебе подробно…

— Хорошо, Иван Матвеич, — ответил Семён кратко, вспомнив полутёмный кабинет, человека за столом, седовласого, кряжистого, повадками схожего со старой бойцовской собакой. — Я вас понял.

— Ты только не высовывайся, не раздражай там никого. Скрытно. Местные — сами по себе. Ты — сам по себе. И да!.. Скажу сразу: если встрянешь куда не по делу — прикрыть не смогу.

Лаконично и без суеты они перекинулись ещё несколькими фразами по делу.

— Я вас понял, — ответил Семён буднично.

— Ну так!

— Да!

Положив трубку, Семён улыбнулся — отказы той стороной по-прежнему не обсуждались.

— Узнал он! Главное — случайно! Вот пёс старый! — Семён рассмеялся беззвучно и ещё раз потянулся, словно оживая. — День второй. И вот они — змеи в раю.

Глава 3

Запечённое в раскалённом зное солнце скатывалось к вечереющему лесу и, наливая густым пигментом чащу, сгущало зелень до глубокого бездонного омута. Одни тени отступали, другие шли следом.

Дверь, по случаю не отпустившей ещё дневной духоты, была приоткрыта, и Семён переступил порог…

Библиотека.

Густой запах старых переплётов, дерева и чуть слышного миндаля с первых мгновений погружал в атмосферу замершего времени с его посекундно ускользающей вечностью.

В зале меж рядов по-старомодному громоздких книжных стеллажей и шкафов кто-то невидимый шуршал страницами. Девушка сидела за дубовым столом и, придерживая рукой по-старчески жёлтые страницы истрёпанной книги, с прилежанием первоклассницы выписывала что-то в школьную тетрадь.

Из леса через дорогу доносился задорный разноголосый ор местных ребятишек, но явная увлечённость не позволяла хозяйке заведения отвлекаться на мелочи; и даже звякнувшие стёклышки открывшейся во всю ширь массивной двери, не обратили на себя внимания.

Семён кашлянул разок, другой. Девушка, словно не услышав, дала ему немного времени ознакомиться с пространством и рассмотреть её саму.

Её лицо Семён не назвал бы красивым в классическом понимании. Оно было таким же обыкновенным, как и сотни других, виденных им каждый день. Волосы — длинные, цвета зрелой пшеницы, заметно ухоженные и послушно уложенные. Ровная чёлка над упрямыми тонкими нитями чуть подведённых бровей. На левом запястье — потускневший от времени серебряный браслетик, тонкая змейка в один оборот с едва заметным бирюзовым глазком.

«И кофточка кружевная! Хосподи!»

Увлёкшись изучением вводных, Семён не сразу сообразил, что сам вот уже несколько секунд является неучтённым экземпляром, требующим маркировки. Библиотекарша смотрела на него сквозь стёкла очков и, чуть склонив голову, тоже будто оценивала. Никакого смущения — лишь немного вопроса в глазах — в обычных серых глазах.

Пока Семён терялся, с чего бы начать, она подоткнула указательным пальцем очки, поднялась и, едва заметно кивнув, сказала негромко:

— Добрый вечер?..

Маленькая, умная и строгая — жуть! Такое, вероятно, можно увидеть исключительно в сельской библиотеке на отшибе, где и слыхом не слыхивали о стремительном развитии технологий. Тот трогательный момент, когда руки опускаются и отступает желание казаться лучше. Здесь фальшь считывается на раз — без вопросов!

Мать с детства внушала Сёме, что в любой ситуации необходимо вести себя достойно. Вот это «достойно» и подвело его однажды так, что сегодня он в бегах.

В каком из многочисленных прокуренных Торских кабаков это началось, он не вспомнит теперь. Было что-то вроде днюхи. Чьей? Чёрт его знает — вполне возможно, что его. Гуляли с мужиками тогда знатно — с размахом и без морального удержу. Разнокалиберный дистиллят плескался — девахи клеились. Градус общения недопустимо фривольно снижал планку нравственных устоев. Вот тогда-то он и попал со всей своей спесивой самоуверенностью. Влетел как новобранец. Из желания не показаться неучтивым снисходительно включил галантного кавалера. Девчонка — мелкая совсем, но по качественной обёртке видно было, что дорогая, из того разряда чистокровных лакшери, что без папиной кредитки и дня не протянут. Весь вечер он наблюдал за ней, усмехаясь свысока. Чужеродным объектом она выглядела на той точке. Рюмки опрокидывала одну за одной — под свою косила. Судя по всему, чётко знала,

чего хотела, и к цели шла, не признавая препятствий. Ну да ладно, он же настоящий. Воспитание, манеры — спасибо маме, всё на высоте! А потом оказалось, что ей с ним ни капельки не страшно и до его дома ближе… А наутро вместо живительного глотка растворимого кофе на холостяцкой кухне — наивный взгляд над натянутым по самые уши одеялом и его рубашка, ответственная за неприкрытый стыд стройного стана.

Пошло и наигранно — хуже, чем в дешёвой мелодраме. И вспоминать, было или не было, — резона уже нет, потому как по себе знал — не быть не могло!

Теперь же, видя эти серые глаза, он понял, что нет необходимости предъявлять свою исключительность. И помощь он получит скорее, выложив всё начистоту.

Давняя задумка Семёна заключалась в создании детского образовательного центра. Но для осуществления столь дерзкого проекта требовались единомышленники, а кто, как не служащий библиотеки, мог знать всех достойных кандидатов, так сказать, с точки зрения простого обывателя, располагающего в том числе и толикой местных сплетен?

Служащую библиотеки звали Соня, но Семён, увлечённый подбором определений для её словесного портрета и сканированием пространства, как-то из виду упустил, что надо бы представиться для начала.

— Только я не понимаю, зачем вам это? — спросила девушка Соня, с опасливым недоверием глянув в окно. Там у покосившегося заборчика стоял внедорожник Семёна — большой, чёрный и — как ей виделось — агрессивный. — Вы знаете, что наш город называют болотом? — продолжила она, не дождавшись ответа, и посмотрела на него с чуть видной насмешкой в глазах. — Считается поверьем, что если не уехать отсюда сразу после школы, то болото засасывает и не отпускает уже никогда. Вам-то здесь какой прок? Насколько я могу судить, вы не из местных?

— Ну, считайте это порывом души, — пожал плечами Семён.

Теперь Соня смотрела на него с сомнением. Не вязался в её сознании его порыв души с голосом — сильным, звучным, с нотой превосходства в жёстком тембре. Такой голос, верно, и в шёпоте имеет своё подавляющее звучание, если вообще умеет в него переходить.

— Я родился здесь, — меж тем продолжал Семён. — Мои родители увезли меня отсюда в девяностых. Мой дед был учителем. Здесь неподалёку его дом. Я в нём остановился.

— Так вы внук Александра Дмитриевича?! — воскликнула Соня, и недоверие в её лице сменилось радостью, будто увидела она старого друга. — Учителя истории?! — пылко удивилась она и порывисто приблизилась к нему. Ручка плясала в её нервных пальцах. Без тени застенчивости, как давеча и Света, девушка рассматривала его, будто выискивала в нём черты ушедшего навек человека.

— Его самого, — кивнул Семён и увидел, как чистое, не затуманенное пороками лицо девушки будто осветилось солнцем, вышедшим из-за туч.

Её открытость обезоруживала — по-другому он бы и не сказал. Голос — мягкий, ненавязчивый — он звал прислушаться и слушать дольше, не перебивая. На кого-то она была похожа… На кого-то она определённо была похожа…

— Его здесь все помнят! — сказала Соня. — И мне он очень помог! Ваш дедушка был добрый, чуткий и… — тонкими пальцами она коснулась поджатых губ, и щёки её тронул лёгкий румянец.

— Вот вы и ответили на свой вопрос, — негромко произнёс Семён. Тепло признательности окутало его при виде блеска на её ресницах за стёклами очков. — Неравнодушный учитель, хорошая школа — это престиж города, его сердце. Жаль, что это мало кто понимает, а ещё хуже — не желает понимать!

— Да, но, боюсь, вам предстоит преодолеть определённые трудности. Или не преодолеть, — сказала Соня. Справившись со слезами и указав незнакомцу на стул у окна, она вернулась на своё место за столом.

— Ну да! Это я уже понял, — согласился Семён. Не спеша он подвинул стул, сел и, чуть сдвинув стопку книг, облокотился о край стола. — Ой! Я вас перебил! Это от избытка чувств, как сказали бы ваши классики! Просто вчера на въезде в город я был впечатлён, скажем так. Даже, можно сказать, озадачен. Надеюсь, это меня оправдывает, — он улыбнулся и заметил, как минутное замешательство в лице девушки сменилось сосредоточенностью. И отклик её понравился. Это было что-то вроде сочувствия человека неравнодушного и прекрасно осознающего всю тяжесть предстоящего пути.

— Ничего страшного, — отозвалась Соня и, мельком глянув на квакнувший телефон, отложила его экраном вниз. Казалось, ничто не могло нарушить течение её мысли. — Ваш запал объясним. Но тут… Понимаете, в чём загвоздка? Если б вы предложили, к примеру, как меценат, построить школу бокса, а не какой-то там образовательный центр, то вас здесь встретили бы с распростёртыми объятиями. А так… — скривив губы, она пожала плечами. — Вряд ли найдутся желающие поддержать вашу идею.

— О! — воскликнул Семён с улыбкой. — В вашем городе приветствуется мордобой?!

— Во всех его видах и проявлениях, — сказала Соня, и в её голосе Семён услышал некоторую апатию и серьёзность, присущие людям постарше.

— Да, — согласился он, вспомнив свой вчерашний вояж. — И в этом я тоже убедился. У вас вообще как тут? Всегда так громко?

— Наши классики назвали бы это приютом безудержного веселья.

На этот раз девушка улыбнулась — аккуратные зубки, мягкие ямочки на щеках — и Семёну будто посветлело.

— Ну чего вы хотите? — продолжила она. — Люди после смены, уставшие, имеют право отдохнуть, расслабиться. Не в библиотеку же им в самом деле бежать. Как вы думаете?

Семёну потемнело. Он стушевался неожиданно — ещё подумал, что давно с ним такого не случалось.

— Простите… Я сейчас не понял… Вы это всерьёз или?..

— А вы как думаете? — ответила Соня спокойно, прямо глядя на него своими серыми глазами.

Что он видел в этих глазах? Чуть видную искру насмешки?

— У человека есть право — вы согласны? — спросила она терпеливо, и Семён замер — весь внимание. Стало интересно, что она может рассказать ему о правах? — И человек этим правом пользуется в той мере, в какой он это право понимает. Вот и всё.

Семён смотрел на эту девушку, показавшуюся вдруг странной, и не знал, что тут можно ответить.

— Так! — сказала странная девушка, отметив непонимание в его лице. — Чтобы всё не было таким сложным, нужен чай. Вы не против?

***

Время давно перевалило за семь вечера, рабочий день закончился, а библиотекарша и её безымянный гость всё сидели за столом, всё говорили… В руках уже были цветастые чашки с горячим сладким чаем…

— Вот и получается, что, как бы абсурдно это ни звучало, но к сожалению дворовым псам в этом городе отдано больше прав чем человеку.

— И что же власти? Безмолвствуют? — не уставал задавать вопросы Семён.

— А что власти? — охотно отвечала Соня. — Их игнор привычен в этом городе, — говорила она, словно сорвавшись потоком, и Семён, аккуратно поставив чашку на стол, внимательно слушал. — Сами понимаете — подать голос — значит признать, что проблема существует. И тогда придётся как-то оправдываться, включаться в работу, выходы искать, ком-

промиссы предлагать… Видите, сколько всего сразу наваливается? А так — объявили особо говорливых фейками или сумасшедшими, к примеру, заблокировали в сети, лишили личности — и всё! Грязная, но безотказная тактика. И, кстати, хорошо себя зарекомендовала. Остальные беспокойные, но менее уверенные в себе, замолкают из страха, что их выкинут следом, как ненужную тряпку. Ведь что происходит? Смотрите! Не понимая главного, многие цепляются за статичное в своём развитии большинство, стремятся стать удобными — то есть пустыми, ведомыми.

— И что же вы считаете главным? — перебил её Семён.

— У меня такое впечатление, что вы меня допрашиваете. — Соня прищурилась. Она, конечно, шутила, но зоркость её заставила Семёна внутренне подобраться. — Такая в вас безэмоциональная отстранённость. Вы вот сейчас будто не смотрите, а протоколируете.

— Да я как-то… — неожиданность её предположения заставила Семёна замяться неуверенно.

— Нет, в самом деле, — теперь уже она перебила его. — Так и подмывает спросить: вы в органах случайно не служили?

Пока Семён моргал, Соня улыбнулась ему тепло, совсем по-дружески.

— Но я отвечу, — сказала она. — По моему скромному разумению, главное — не потерять себя в толпе. Иногда самым трудным в жизни бывает сохранение своей уникальной целостности — эксклюзивности, если хотите.

— Да! — охотно согласился Семён, всё более изумляясь той самой уникальности в этой девушке. — Но не обрекает ли это сохранение на одиночество?

— Именно! — воскликнула Соня и в порыве, облокотившись о стол, вперёд подалась. Голос её бил убеждением. — Неизбежно! И это чертовски больно! Но подумайте — остаётся уважение к себе! А с другой стороны — это не больнее, чем, имея определённый запас силы и честности, всё же прогнуться под обстоятельства.

— Спасибо, — сказал Семён, едва она, замолчав, посмотрела на него глазами, полными лихорадочного блеска.

— За что? — отпрянула она, опешив, но глаза её всё так же сияли, будто готова она была впустить в них целый мир.

— Не помню случая, чтобы кто-то говорил со мной так открыто. Я часто сталкивался с людьми, которым было что скрывать. И приходилось прилагать немалые усилия, чтобы добиться искренности. Спасибо.

— Неужели? — в её голосе Семён услышал недоверие. — Какие же люди окружали вас до сего дня? Не могло же так случиться, что вы жили в замкнутом пространстве?

— А вы знаете, это, наверное, самое точное определение, — подхватил Семён её мысль, попутно поразившись тому, как на удивление легко далось ему это откровение. — Именно замкнутое пространство! — он кивнул, признавая, что сам замкнул это пространство. — Слушайте, давайте сменим тему! Становится жутко! — воскликнул он и поёжился шутливо.

— Простите! — засмеялась девушка Соня. — Это мои размышления навеяли на вас тоскливую скуку!

— Бросьте! Напротив! Хотелось бы сказать, что с вами приятно общаться, — признался Семён, — но «приятно», наверное, не то слово. И знаете, что ещё? Вы уж простите, но, глядя на вас, нельзя подумать, что вы так глубоко… как это сказать?.. — запнувшись, он силился найти подходящее слово.

— Что? В теме? — Соня снова смеялась. — Почту за комплимент. Ведь вы же комплимент хотели сделать?

Смех её смолк. Теперь она смотрела на него пристально, не отрываясь, и взгляд за стёклами очков был исполнен плутовства. Она будто ждала от него промаха, но Семён, считав её безобидный подвох, ответил не разочаровав:

— Ну почему же комплимент? — Ответив на её взгляд, он улыбнулся и, продлевая паузу, иронично повёл бровью. — Комплименты оставим глупым барышням, а для вас — чистая правда.

От того, как он с такой лёгкостью разгадал её хитрость, Соня не сдержалась и рассмеялась громко и заливисто. И Семён с радостью поддержал её в этом смехе.

На столе, брюзжа, заёрзал телефон.

— Соня, деточка, — послышался с той стороны нетерпеливый голос, — Ритка моя молока уже дала, а тебя всё нет? Где тебя сегодня носит-то всё?!

— Бегу, бегу! — отозвалась Соня. — Уже бегу!

Положив трубку, Соня разочарованно вздохнула — незнакомец исчез.

***

Подхватив со стола стопку книг, подвинутых Семёном, Соня прошла вглубь зала. Там же, за дальними шкафами, меж окон, стояли высокие напольные часы — массивные, с инкрустацией и дубовой отделкой в виде фигурок девушек по бокам. На посетителей, впервые вошедших в библиотеку, часы обычно производили неизгладимое впечатление. К сожалению, маятник их был недвижим, а тяжеловесные гири за потемневшим от времени стеклом вторили грусти, возникавшей при взгляде на замершие стрелки.

Вернувшись к столу, Соня бросила взгляд в окно, и сердце сладко заныло — и машина у заборчика, и незнакомец рядом.

Приткнув пальцем очки, она вынула из ящика стола сумочку на длинном ремешке, осмотрела себя со всех сторон, нашла в голове некоторую долю благоразумия, чтобы усмехнуться собственной наивности, и вышла на крыльцо.

***

Услышав, как девушка запирает дверь, Семён обернулся и медленно, будто поджидая, сделал несколько шагов в её сторону. И ему стало вроде как грустно, что ли. Легко сбегая по деревянным покосившимся ступеням, она напомнила ему ту жизнь, которая летит, увы, не в его сторону — светлую, кружевную, воздушную — ту, о которой он со своим воинствующим прошлым и помыслить уже не смел.

— Вечер сегодня… — только и нашёлся он что сказать, едва она приблизилась, и замолк. Запустил пятерню в шевелюру, задумчиво побыл там недолго — отбросил волосы назад привычным движением. И в свете угасающего дня Соне показалось, будто так, с открытым лицом, он стал старше.

«Такой взрослый!» — подумалось ей с сожалением. Почему с сожалением? В чём было заключено это сожаление, она пока не понимала, но то, что оно осталось в ней, она знала точно.

— Да, замечательный сегодня вечер! — откликнулась она, не раздумывая, и смотрела теперь на него, ожидая продолжения. Но, как он ни старался, продолжение из него не шло.

Плюнув внутренне и не понимая толком, зачем ему всё это вообще надо, Семён указал рукой в сторону города, словно приглашая пройтись, оставил машину у заборчика и побрёл с ней рядом.

Дорога к дому Сони петляла сквозь множество тех самых нешироких улочек, ознакомиться с которыми Семёну довелось вчера, и он отметил, как на удивление спокойно здесь было сейчас. И музыка не гремела, и собаки определялись лишь негромким рыком, и дымом почти не пахло. Его перебивал уставший за день ветер. Он разносил, не спеша, смесь богатого благоухания цветков чубушника и пионов. К вечеру, разбавленное горчинкой свежескошенной крапивы, благоухание становилось особенно тягучим, а солнце в томлении своём, завершая

очередной виток, опускалось всё ниже и окрашивало прозрачным жаром верхи всего, чего ещё могло коснуться.

— Какие часы у вас, — сказал Семён первое, что пришло в голову. — Такие редко где увидишь.

Они шли неторопливо рядом, глядя себе под ноги и подталкивая носками кроссовок мелкие камушки.

— А это часы последнего хозяина усадьбы, — Соня была рада прервать молчание. — Вы были в усадьбе? — с вопросом в глазах она посмотрела на Семёна. — Там, правда, роскоши былой нет, — добавила она, приуныв. — Бытует местная легенда, что хозяин оставил завещание, в котором часть состояния отписал своему городу. Ведь всё здесь когда-то принадлежало ему — от бумажной фабрики и до последнего дома для рабочих. Завещание пропало, а вот часы сохранились.

— Такие часы в своё время могли позволить себе только родовитые дома, — поддержал Семён приятный для девушки разговор. Ему нравилось, как внимательно и открыто она смотрит в глаза, когда говорит или слушает. — Они были самой видной деталью интерьера и указывали на респектабельность хозяев дома.

— Да, вы правы, — подтвердила Соня, — но жаль, что не ходят, а на мастера средств у нас нет. Мы же, как вы понимаете, вовсе не респектабельные хозяева, — добавила она с сожалением и улыбнулась грустно. Тут же рассмеялась — непринуждённо, простодушно, и лицо преобразилось, став почти детским, наивным, и Семён неосознанно улыбнулся в ответ. Когда он успел увидеть в ней строгость? Не было там никакой строгости, лишь живая, присущая молодости непосредственность.

— Вы знаете, мне кажется, я видел что-то подобное, — пробормотал Семён, вспоминая. — Да! Точно! У моих друзей в Торске антикварная лавка. И думаю, что могу поспособствовать, если хотите, связаться с мастером. Слушайте, — воскликнул он так, будто изумился сам себе, — а ведь отличная мысль!

О том, что друзья эти были ему вовсе не друзьями, а подозреваемыми, которых он когда-то переквалифицировал в ключевых свидетелей, ей знать было незачем.

Тогда, в самом начале карьерного роста, он был амбициозен, дотошен и упрям. Тогда он кропотливо разматывал дела, сутками не спал. Огонь в глазах горел. Казалось, путь уже проложен — только иди.

А потом… А потом дорога просто оборвалась. Не из-за провала, не из-за чьей-то подлости, не из-за потери напарника. Ничего такого. Просто жизнь вдруг решила повернуть в другую сторону — тихо, без фанфар, будто ей и дела не было до его планов.

В свою очередь, посмотрев на девушку, Семён ждал ответа. И она ответила именно так, как он и предполагал.

— Ну вы же понимаете, что мастер нам не по карману.

Она вновь опустила голову и шла, глядя себе под ноги, всё так же поддевая носками мелкие камушки.

Он кивнул, соглашаясь со своими выводами о её бесхитростной предсказуемости.

— Уладим вопрос, я думаю, — Семён и сам, наверное, не понял, что на него вдруг нашло, но притормозить уже не успел. — Нельзя же позволить подобной вещи пылиться в углу. История должна жить!

И тут у него дух захватило — столько в её глазах было благодарности и той самой, замеченной пару минут назад, наивности. Щёки горели румянцем, а нервные пальцы теребили тонкий ремешок сумки. Семёну даже показалось, что она старается заглянуть ему в глаза поглубже — не обманывает ли? И затасканная донельзя фраза о приручённых закрутилась в его голове заезженной пластинкой, напомнив, что ум неискушённый легко впадает в обман и способен

принять обычную вежливость за проявление симпатии. А следом уже маячила липкость ложных привязанностей… И по новому кругу, и опять в бега…

Семён отметил, как по мере приближения к дому шаги девушки стали замедляться. А Соне было мучительно неловко, но так хотелось ещё немного побыть с ним рядом. И сердце её выстукивало хоть и негромко, но непривычно торопливо.

То, что она в нём видела, можно было бы назвать спокойной уверенностью иных масштабов. Мимолётные встречи в стремительном темпе жизни таких, как он, вероятно оставались в памяти мимолётными встречами, а скорее, и вовсе не оставались.

Её чистота подкупала. Глаза — ясные, как небо на заре. Девушка как девушка — словом, провинциалка. Но что-то не давало покоя в её образе… Семён крепко задумался: «Очки… очки… Да! Точно!» Именно это несоответствие он и приметил, едва войдя в её пенаты — библиотекарша, вязаная кофточка и невероятно дорогая оправа очков. Это… и сумочка теперь ещё. Брендовая! Диссонанс очевиден.

Осторожный взгляд на её руки. Пальцы всё так же нервно теребили тонкий ремешок сумки. Кольца не было, и Семён со странным чувством облегчения отметил, что отлегло. Отметил он и то, что она слишком юна — не в пример ему. И дело даже не в годах. А следом ещё удивился мелькнувшей мысли: насколько неприятно было бы, окажись девочка на чьём-то содержании.

Он энергично тёр пальцами лоб в задумчивости, будто намеревался извести все свои морщины, когда Соня остановилась.

— До свиданья? — спросила она, вглядываясь в его лицо.

«Улица Плакучих берёз» — прочёл Семён надпись на поблёкшей жестяной табличке, прибитой над почтовым ящиком.

Деревянный штакетник изгороди, весь в серо-голубых корковидных наростах лишайника. Дом, каких здесь сотни — старых, выстроенных в незапамятные времена на высоком берегу реки, когда-то дикой и полноводной, теперь присмиревшей и скорее похожей на широкий извилистый ручей посреди иссыхающего, зарастающего кустарником болота. Кусты сирени и чубушника — этого здесь было вдосталь. И берёзы… Царственные в своей пронзительной красоте плакучие берёзы с ажурными ветвями, спадающими зеленолистной лавой до самой земли.

Не понимая отрешённости незнакомца, Соня зашла за калитку и хлопнула ею погромче. Семён встрепенулся, вспомнил о приличиях и поспешил откланяться. Однако весь последующий вечер его образ неотступно преследовал девушку Соню. Из рук её всё валилось, и она переживала, что так неловко вышло с этим прощанием.

«Какая же я впечатлительная, — уговаривала она себя, без сна ворочаясь под одеялом. — Это же не роман — это жизнь. Здесь всё по-другому. Здесь каждый на своём месте». А сама вспоминала его глаза, и что-то в них заставляло жалеть его — такого взрослого, такого очень взрослого и одинокого в этом чужом для него городе. И романтические думы, хоть и гнала она их, покидать её не спешили. Хотя нет! Не гнала она их. Она их думала, думала, и так ей было в них отрадно! А во сне она видела маятник старинных часов — он раскачивался чинно. Ещё видела белый величественный дом с лазоревым небом вместо крыши и себя хозяйкой в нём. Рядом всё время был кто-то. Соня, к сожалению, не видела лица, но чувство надёжного тепла окутывало её.

Глава 4

Соне было двадцать восемь. Отца она не знала, но так случилось, что единственной родственной душой для неё оказалась его сестра, которую после смерти мамы и помог отыскать учитель истории Александр Дмитриевич. Совершенно чужая молодая женщина, хоть и была шокирована представшим перед ней выбором между личной жизнью и кровным долгом, с раздумьями тянуть не стала. Пройдя недолгий путь душевных переживаний, отказаться от девочки она всё же не смогла, и школу Соня оканчивала уже в Торске.

Марина Борисовна. Она была из тех импульсивных натур, что, не изменяя себе, настырно таскают за собой свои опостылевшие грабли, а потому вся её жизнь состояла из опрометчивых проб и бесчисленных ошибок. Вот так и случилось, что, попав в никем не занятый промежуток меж последней ошибкой и следующей пробой, Соня оживила своим ненавязчивым присутствием её одинокий быт.

Но лишь племяннице был вручён диплом, тётушка посчитала свой долг выполненным, аккуратно намекнула на недопустимо затянувшийся застой в личной жизни, снабдила девушку небольшой суммой и купила билет до Каменска.

***

На день, следующий за ночью, полной дум об очень взрослом незнакомце, был выходной.

— Макар, дашь ты мне выспаться когда-нибудь или нет? — брюзжала Соня, открывая дверь. Тело сопротивлялось грубому вторжению резких звуков и яркого света, а тёплые объятия сна тянули назад под одеяло. — Что у тебя? Опять идеи одолели?

Что касается Макара… Человек из детства. Роднее родных, ближе любимых. Того сорта примыкающая необходимость, что знает о тебе всё и молчит об этом всём при любых обстоятельствах. Однако молчание их взаимное основывалось не на поддержке вне условий, но на противоборстве граней разума и чувств, не позволяющем перейти черту ни себе, ни рядом стоя́щему.

Примчался Макар, как обычно, без звонка.

Карие лучистые глаза с бесенятами внутри. Вздорные кудри, похожие на мелкую, длинную тёмно-медную стружку. И сам высокий, похожий на молодого гибкого игривого кота диких прерий.

Сейчас мелкая стружка была порядком встрёпана, глаза искрили безумством гения — налицо все признаки заражения очередной, потрясающей воображение идеей.

— Да не зуди ты, послушай! Тут инсайт реальный! — настаивал Макар, разрушая своей энергией утренний покой дома. Его не задевало равнодушие подруги. Если ему был необходим слушатель, то он, настырно игнорируя протесты, эту необходимость с успехом реализовывал. — Ну куда ты пошла-то опять?

— Да, да-да. Я слушаю, — бубнила Соня, шаркая тапочками до своей комнаты. — Ты говори-говори.

Каждый раз, стоило только другу детства понять, что очередной стартап — это «бомба», Соне приходилось уговаривать себя, что она ангел терпения, что она сильная и она выдержит!

— Ну что? — деловито спросила она минут через пять, войдя в гостиную, где Макар, с удобством развалясь в её кресле, что-то увлечённо вычитывал в телефоне. Методично протёрла краем рубашки очки — пристроила их на нос. — Я так понимаю, без душного ревью твоего инсайта забанить тему у нас вариантов нет?

— Фу, Соня! — передёрнулся друг, обратив на неё брезгливый взгляд. — Прекрати! Иди Тургенева своего читай!

— Вот! — ткнула она ему в нос пальцем. — О том и речь! Я за чаем, а ты пока начинай тут, выкладывай, что у тебя там?

— Да у меня, собственно…

Посмотрев на часы, Соня засекла время — минут двадцати должно было хватить на то, чтобы источник стихийно-созидательной мысли друга иссяк, — и пошла на кухню ставить чайник.

— Чёйта ты затих? — спросила она, вручая ему кружку, исходящую паром. Когда Макар затихал, это настораживало больше, чем его инсайты: наступила тишина — считай, беда пришла!

— Угощайся, — указав на тарелочку с вафлями, Соня бесцеремонно вытолкнула его из кресла и уселась сама.

— Ты это видела? — спросил Макар, словно не заметив её негостеприимного жеста.

— Что? — спросила она, устраиваясь поудобнее.

— Ну вот! — он сунул ей под нос телефон с новостями местной прессы. — «На встрече с главой Каменска предприниматель из Торска обсудил возможности реализации проекта по строительству современного образовательного центра».

Макар ещё не успел дочитать новость, как вмиг накатившая сопричастность уже сладко тронула Соню обещанием новых встреч.

— Первый раз вижу, — соврала она неожиданно. Удивилась, зачем соврала, но подумала при этом, как стремительно незнакомец идёт к своей цели.

— Лихой чел! Интересно, он хоть соображает, на что подписался? — Развалясь в соседнем кресле, Макар закидывал в рот вафли без остановки и заливал их горячим чаем. — Как думаешь — выйдет у него чего? Хотя что в нашем болоте может выйти окромя конфуза! Да, Сонь? Так в твоих книжках пишут? Слушай, Сонь, а чё, колбасы-то нету?

— Ты её приносил, колбасу-то?

— Вообще-то, могла бы и озаботиться!

— Кашу будешь? Овсяную!

— Не буду, — огрызнулся Макар.

— А как его зовут?

— Кого?

— Ну предпринимателя? — в Соне вдруг возникло желание выпихнуть друга детства не только из кресла, но и за дверь, остаться в тихом одиночестве и думать о том, кто так прямо, без проволочек занял место и в её голове, и в головах людей посерьёзнее.

— А! Без понятия. Там не сказано, — Макар глянул на подругу исподтишка, и в глазах его, непривычно серьёзных, показалась тенью тоскливая жалость. А Соня, не замечая его жалости, задумчиво смотрела внутрь своей кружки, будто там, в её бордовой глубине, высматривала что-то.

Приручая тишину, часы на стене отстукивали свои секунды.

— Сонь, может, тебе деньги нужны? — спросил Макар тихо, хоть и знал твёрдо, что и в нужде не признается, и выволочку устроит.

Соня оторвалась от своей кружки, посмотрела на него выразительно, но на этот раз почему-то промолчала.

— Не — я так, — тряхнул Макар кудрями. — Я на всякий случай. Ты всё-таки если… Ну ладно… — стушевался он. — Ладно, давай свою кашу.

***

Утро было неподвижным — залитым мягким светом. Как-то нечаянно забыв об очень взрослом незнакомце, несколько дней занимавшем её мысли, Соня вышла во двор. Местные читатели-интеллектуалы, редкие, как реликтовые черепахи, предпочитали сплываться в более поздние часы, а лесная свежесть манила из пыльного полумрака. В траве ещё подрагивали искры росы. Чаща звенела птичьим пересвистом и трелями. Присев на прогретую скамейку и закрыв глаза, Соня подняла лицо к ласковым лучам.

«Как описать состояние природы по утрам, — думала она, нежась. — Какими словами выразить покой и умиротворение начала дня, когда солнце ещё не в зените и не палит, и воздух полон влагой, и рукава теней ложатся на всё, до чего могут дотянуться, и когда природа и люди не успели ещё окунуться в кипучую суету нового дня».

Послышалось приглушённое урчание двигателя. День вплывал, настойчиво вытесняя из Сониной головы вялотекущие грёзы. Приложив ко лбу ладошку козырьком, щурясь, она посмотрела в сторону нарушителя её покоя.

К низенькому обветшалому заборчику, определяющему библиотечный двор, подскакивая на ухабах, подкатил небольшой округлый минивэн цвета слоновой кости. Из него бодро выскочил парень лет двадцати пяти — даже не высокий, а длинный какой-то, проворный и, подхватив из багажника старый кожаный кофр с потёртыми углами, решительно направился по дорожке в сторону Сони. В несколько широких шагов преодолев расстояние до крыльца, он приветливо воскликнул:

— Еле вас нашёл! Здрасьте!

Соня в недоумении смотрела на его широкую улыбку, на униформу во множестве карманчиков, на бейсболку с витиеватой надписью и поначалу не находила что сказать.

— Простите! Но мы заявку не подавали. Да и электрику у нас в том году меняли. И почему не предупредили? — полился из неё поток вопросов. — Вы подождите, я сейчас с начальством свяжусь! — говорила она, метнувшись мимо парня к крыльцу.

— Да стойте вы! — воскликнул парень, всё так же улыбаясь. — Я ж не электрик! Я от Семёна Олеговича!

— От какого… Семёна Олеговича? — нахмурилась Соня, притормозив на ступенях. Мысли роились в голове — сбивались в кучу.

— Та-ак! Давайте с другой стороны зайдём! — парень явно забавлялся замешательством симпатичной девушки. Осторожно взяв за плечи, он подвёл её обратно к скамеечке. Соня, ничего не понимая, решила всё-таки не возражать.

— Вы присядьте, а я объясню. Меня зовут Максим, — начал парень почти по слогам и снял с головы бейсболку с фирменным названием. — Я из Торска. Мой отец — владелец антикварной лавки. Смотрите, — указал он пальцем на логотип. «Укропов и Сын» — там было написано.

Соня не скрыла улыбки, и Максим это заметил.

— Когда отец решил сменить фамилию, — невозмутимо сказал он, — в дело вмешалась бабуля! С бабулей нашей шутить не стоит, поверьте! Сказала: «Не чужую фамилию брать надо, а свою прославлять!» Ну и — кулаком по столу! Для порядка!

До Сони наконец дошло, что этот молодой человек и есть часовщик, о котором говорил Семён.

«Так, — призадумалась Соня. — Значит — Семён Олегович?» Сейчас она диву давалась, как получилось, что простились они у калитки, так и не познакомившись? Знать, изучение неучтённого экземпляра тогда оказалось интереснее самого имени этого экземпляра. И, судя по всему, обоюдно.

— Я всегда представляла часовых дел мастера пожилым человеком, — с недоверием сказала Соня, — таким седым старичком в круглых очочках и остреньким взглядом, — и она на пальцах показала, в каких круглых и с каким взглядом.

— Понимаю, — кивнул Максим, улыбнувшись её непосредственности. — Мой дед владел этим ремеслом в совершенстве.

Соня искренне порадовалась за парня — столько гордости было в его словах.

— Ну что? Где больной? Показывайте!

Оптимизм мастера радовал. Соня проводила Максима к часам, и он незамедлительно приступил к делу. Для начала задал уйму вопросов: в каких условиях хранились, когда обслуживались, падали или ударялись и так далее и тому подобное. Всё, что знала, Соня рассказала, но не более того. Эти Grandmother Clok, годились ей в прапрабабушки, что она могла о них знать? А к полудню, уладив формальности, Соня проводила и мастера, и его драгоценную ношу — заботливо обёрнутый фланелью механизм.

— Не переживайте вы так, — сказал Максим напоследок, чутко определив в лице девушки беспокойство, — подлечим мы вашу «бабушку».

«Ну надо же, — удивлялась Соня, глядя в сторону видневшейся меж деревьями крыши дома учителя, — не забыл — сдержал обещание. А у меня и номера его нет, чтобы спасибо сказать».

***

А уже к вечеру, возвращаясь домой, Соня без особого удивления убедилась в необычайной скорости распространения местных сплетен, зёрна коих в этом городе, лишённом разнообразия в полезном проведении народного досуга, падали на щедрую почву.

Услышав голос соседки, Соня замедлила шаг.

Несмотря на свой, мягко говоря, зрелый возраст и довольно грузную фигуру, баба Вера была женщиной прыткой и везде успевающей. На молодёжный манер коротко стриженные седые волосы, фланелевая рубашка в клетку поверх майки-алкоголички, лёгкие хлопковые шаровары. Её энергия сквозила в каждом жесте, каждом слове. Между её бойким шагом и губами цвета кармина возраст терялся — никто бы и с точностью до десятилетия не определил, сколько ей на самом деле лет.

— Соня, детка, а что это у нас в деревне слухи ходят, будто ты столичных молодцов привечаешь? Нечто замуж собралась? — спросила она, подавая поверх изгороди баночку с молоком.

— Ой, баба Вера, баба Вера, — вздохнула Соня с укоризной, приняла баночку, но не остановилась, — и откуда же ты всё знаешь?

Секатор в руках соседки не ввёл Соню в заблуждение. Для неё это было лишь подтверждением очевидного факта: якобы подрезая малину, баба Вера, вероятно, и глаза просмотрела, и в ожиданиях истомилась — извелась вся.

— Так от людей-то ничего не скроешь, — невозмутимо и с хитрецой ответила соседка, поспевая за Соней по ту сторону забора. — Говорят, внучок учителя Александра Дмитриевича приехал. Отродясь не было, а тут здрасьте — пожаловал! Какой ему здесь интерес? Говорят, не женат, Сонь! А Сонь? — добавила она, подмигнув озорно.

— Всё, баб Вер, я ушла! — отчеканила Соня и стремительно скрылась за кустами сирени. Задумалась, споткнулась на разбитой дорожке. Едва не выронив баночку и больно убив палец на ноге, чертыхнулась чуть слышно. Приостановилась. Поморщилась. Настроение как-то откатило.

«А слухи о том, что не женат… Вот уже и слухи… Слухи — да. Не буду расстраиваться, — успокаивала себя Соня, — сейчас съем чего-нибудь вкусненького, и полегчает».

Неожиданно для себя Соня обнаружила, что новое знакомство пришлось ей к сердцу ближе, чем думалось вначале. Любое напоминание о незнакомце родило в душе непривычное волнение.

«Может, это потому, — рассуждала она, неустанно думая о нём, — что этот Семён Олегович не похож ни на кого из моих знакомых? Как новая книга. С первой страницы, и в каждой последующей много нового и интересного. И что будет в конце? Одно из двух…»

И за всеми романтическими мыслями ей и в голову не пришло, что книга эта, не в пример её воздушным грёзам, может оказаться не новой и красивой, а потрёпанной, с пожухлыми шероховатыми страницами, прагматичной и чёрствой в своём наполнении.

Глава 5

— Ты чего шумишь? Позвонить не мог? Телефон потерял? — отчитывала Соня друга своего детства.

Макар влетел в библиотеку, и ей пришлось его одёрнуть. Он знал — она никогда не устанет его отчитывать, но в ветреной беззлобности своей позволял ей эту маленькую слабость. Он гордился и ею, и тем, что она у него есть. Иной раз она, конечно, становилась непереносима в смысле воспитательной части, и тогда в ответ он начинал её донимать. В нём включалось поведение неуёмного ребёнка, действующего наперекор занудству мудрого наставника. В бессилии своём перед его непосредственной наглостью Соня становилась похожа на маленького ежа и, уйдя в хмурую оборону, перепалку зачастую пресекала оплеухой. Нет, огорчений другу детства это не доставляло, но усмиряло ненадолго.

— София! К чему столько вопросов, Соня? Я скучал! — нараспев протянул Макар и шагнул к ней, распахнув объятия.

— Ой, уймись, — Соня поморщилась, отстраняясь, — и не пугай посетителей. У меня их и так — раз, два и обчёлся.

Макар не расстроился. Ничто, казалось, не могло его смутить.

— Да ладно тебе, — не унимался он. — Нет у тебя никаких посетителей и не будет! Хотя нет, смотри-ка, есть один, — воскликнул он, кивнув в сторону окна. — Теперь можно сказать: раз, два, три и обчёлся! Заноси в картотеку, Сонь! Давай скорее, пока не смылся! Потом будешь создавать вид деятельной загруженности — названивать ему, требовать возврата книги. Ты станешь его ночным кошмаром! Сонь, прикинь, снится ему, что он книжку тебе сдать забыл! И это гнетёт его, гложет! Просыпается весь в поту, сердце навылет! Сонь, неужто тебе его не жалко? Ты подумай хорошенько, прежде чем чтиво ему своё подсовывать. Как ему жить-то потом с таким грузом? Давай, может, мы ему сразу от ворот поворот, что ж человеку так мучиться-то?

— Шутник, — прошептала Соня, хмуростью лица выказывая недовольство, но за взглядом его проследила.

Там, за окном, мужчина пристраивал старый обшарпанный велосипед к чахлому кустику, озеленяющему палисадник. Горчичный цвет спортивного костюма с капюшоном, тёмные волосы.

«Надо бы подставку какую сделать, — успела она подумать, — чтоб кусты не ломали».

Мужчина меж тем пятернёй откинул волосы со лба и, словно услышав её мысли, обернулся.

Мгновенно образовавшаяся в животе ледяная пустыня заполонила грудь, добралась до горла и сдавила дыхание. В глазах случилось затемнение, и Соне захотелось присесть. Или нет — убежать! Но бежать было нельзя — рабочий день ведь ещё не закончился!

«Я переживу, — внушала она себе, — я справлюсь!»

— Сонь! — воскликнул Макар где-то в глубине зала. — А что происходит? Что с часами-то?!

Соня вздрогнула, обернулась и, сказав в адрес друга чуть слышное: «Спасибо, что ты есть!» — в замешательстве приложила ладонь ко лбу.

— А где всё? — Макар смотрел внутрь открытого корпуса. Его приподнятые брови говорили о крайней степени изумления и требовали немедленного ответа.

— А! Да, — ответила Соня отстранённо. — Мастер приезжал. Забрал в ремонт.

Звякнув стёклышками, открылась дверь и, внеся с собой шум улицы, вошёл Семён. Увидев позади Сони Макара, он с вопросом в глазах сказал неуверенное «здрасьте» и перевёл взгляд с одного на другую и обратно.

«Зачем ты так мчишься, сердце?» — спрашивала Соня и чувствовала себя той рыбой, что об лёд.

— Добрый день! — ответил Макар дерзко, обернувшись на вошедшего, и, мельком глянув на часы, прищурился: «По всему выходит, не из наших, — делал он вывод, пристально уставясь на запоздавшего посетителя, — прикид не с рынка».

А Семён, в свою очередь, с не меньшим интересом оценивал молодого кудрявого красавчика с задорным вызовом в лице.

«Поклонник? Неужто тот самый даритель оригинальных сумочек?»

Изумрудно-жемчужное великолепие автопрома, что приткнулось к заборчику у дороги, Семён оценить уже успел.

— А! Э!.. — Соня запнулась в нерешительности, и две пары глаз устремились к ней с вопросом. — Макар, это… — выдавила она неуверенно, и голос её дрогнул.

— Простите, — поспешно сказал мужчина, видя её замешательство, — Семён. В прошлый раз я как-то упустил из виду, что не представился.

— В прошлый раз? — переспросил Макар, не скрывая изумления, и протянул руку.

Семён ответил на приветствие.

— А это Макар, — пролепетала Соня и отвела глаза в сторону. — Мой старый приятель.

Макар нахмурил брови, но промолчал, мысленно пообещав вспомнить ей «старого приятеля».

— Вы тут по делу? — отважилась она спросить. Руки стали ненужными, взгляд искал, к чему бы их можно было приложить. Нашлись книги на столе. Руки их незамедлительно схватили и прижали к груди. Теперь можно было идти прятаться за книжные шкафы.

— Нет, — ответил Семён и, чтобы не упустить девушку из виду, подался в сторону. Макар, стоя напротив, ревностно следил за его взглядом. — Проезжал мимо, знакомился с окрестностями, — продолжал Семён. — Дай, думаю, зайду, справлюсь, как дела, как часы?

Не мог же он признаться в своём желании увидеть её. И не потому, что она ему приглянулась — боже упаси! — а потому, что он здесь никого больше не знал. Не напрашиваться же ему в гости к главе местной администрации в самом деле! Да и что с ним, с этим главой? Трапеза на поляне со всеми атрибутами устоявшейся сытой жизни? Сомнительное удовольствие!

— А! — воскликнул Макар. — Так это тебя в последние дни весь город обсуждает?

Не понимая, что тут можно ответить, Семён пожал плечами.

— Конь зачётный! — заценил Макар, не дожидаясь ответа, и кивнул в сторону двора за окном, где, припаркованный в ветвях кустарника, стоял старичок-велосипед из прошлого.

— Это я у соседа одолжил — здесь недалеко, — засмеялся Семён. — Но с управлением пока беда. Видели б вы, как я его добывал!

И Семён вспомнил, как, отсчитав по правой стороне шестой дом от начала улицы, он оказался перед высоким забором из добротной строганой доски, покрытой колером бордо.

— Вышел такой, знаете ли, дядечка круглолицый с полешком, я думал бежать придётся. Хозяйка меня выручила, — рассказывал Семён, смеясь негромко, как показалось Соне снисходительно, будто со всем своим превосходством он просто позволил кому-то быть грозным в своём присутствии. Этакая пренебрежительная самоуверенность. Ей не понравилось, что о людях, вполне себе уважаемых и достойных, этот чужак, не знакомый с их бытом, отзывается так высокомерно. И разочарование заскреблось острыми коготками в её сложившееся было светлое впечатление об этом человеке.

Пока он вспоминал, Соня, насупившись, смотрела на него пристально в узкие просветы между книгами на стеллажах, а Макар, усевшись за рабочим столом, ёрзал изнывая. На Семёна он не смотрел — ему там было неинтересно. Ему было интересно в ящиках, которые он выдвигал поочерёдно и задвигал обратно, шумно пошарив в каждом из них. Девушка, как отметил Семён, замечаний приятелю своему старому не делала.

***

На заборе для удобства желающих закупить экологически чистый продукт была установлена кнопка звонка. Семён нажал на неё раз, другой. Где-то во дворе хлопнула дверь. Послышались быстрые лёгкие шаги. Они сопровождались приветливым:

— Бегу! Бегу!

Открылась створка ворот, и в проёме показалась Света.

— Ой! Семён! — воскликнула она, выказав неподдельную радость. — Надумали молочка? Или, может, творожку?

— Нет, — стушевался поначалу Семён, но, сообразив, что хозяйку расстраивать не стоило бы, исправился: — Хотя не знаю, можно, конечно.

— А я сейчас! — обрадовалась она. — Я быстренько!

— Света, подождите! — остановил её Семён. — Я хотел спросить. Может, у вас есть велосипед, которым не жалко поделиться? Моё транспортное средство как-то не катит по вашим дорогам, — он пожал плечами, будто извиняясь.

Света глянула ему за спину, оценила в габаритах лакированного блеска масштаб несоответствия, подумала немного и, ничего не ответив, скрылась за воротами.

Пока створка ворот не захлопнулась, Семён успел разглядеть на просторном дворе небольшой трактор, похожий на яркую игрушку, и двух суетливых собак, которые вились у ног хозяйки, что, впрочем, не мешало той быстро продвигаться в заданном направлении. Послышался скрип проржавевших петель. Затем что-то, дребезжа, подвинулось, что-то обвалилось. Звуки перемежались с некрепкой бубнящей бранью: хозяйка выуживала из дальнего угла захламлённого сарая старый велосипед.

— Эх, Семён, Семён! — послышался напевный голос в предгрозовой интонации, и воображение Семёна тут же представило образ плотно сбитого молодца с выражением недобрых намерений на лице. — Милый Сенечка! А пацелуй мене!.. Харашенечка!

Лишь только обладатель голоса шагнул из-за ворот, Семён понял, что воображению своему смело может доверять. Серьёзный дяденька лет пятидесяти пяти с голым торсом и нагловатой ухмылкой шёл Семёну навстречу и, похлопывая небольшим округлым полешком по ладони, подёргивал то набором мышц в левом плече, то в правом.

Вслед за хозяином выскочили и собаки. Молодые, лощёные, юркие, они обежали вокруг машины, просунули любопытные носы всюду, куда смогли достать, и, не найдя ничего сто́ящего внимания, умчались обратно во двор.

Семён напрягся, подумав: не драпануть ли от греха?

— Здрасьте! — кивнул он на всякий случай.

Наконец задребезжало что-то похожее на велосипедную цепь.

— Николай! — донеслось со двора. — Ты опять за старое?

Николай остановился и оглянулся на голос — Семён выдохнул.

— Вы на него внимания-то не обращайте, — смеялась Света. — Он не со зла. Всегда знает, что я рядом и остановлю, — объяснила она, слегка запыхавшись. — Что будет, если не остановлю? — спросила она строго, но с тёплой улыбкой посмотрев на мужа.

— Как-нибудь уж выкручусь, — ответил Николай беззаботно и приподнял велосипед за багажник, помогая жене перенести его через небольшой порожек в проёме ворот.

На первый взгляд, вид велосипеда вызывал опасения насчёт безопасной эксплуатации, но дарёному коню, как говорится… Да и муж Светланы не оставил времени на раздумья.

— Куда грузить? — спросил он с невозмутимой ленцой.

***

— По его виду я понял, что он и сам рад избавиться от этого хлама, — закончил Семён свой рассказ.

— Это Николай — фермер, — подала голос Соня, и Семён услышал в этом голосе чистый оттенок неприязни — вероятно, именно к нему, Семёну.

«Как тяжело-то с тобой, оказывается», — подумалось ему. Осознание того, насколько они разные, было очевидно изначально. И всё же он не понимал, как лишить себя удовольствия разгадать это существо — казалось бы, открытое и уравновешенное, но уникальное в своей чувственности.

— А! Да, — отозвался Макар, захлопнув ящик, — нормальный мужик — головастый. Техника там или ещё что…

— Техника, — кивнул Семён, вспомнив про маслице, часы на стене в доме деда. — А что Максим сказал? — спросил он громче, глянув в просвет между книгами.

— Всё поправимо, — ответила Соня, отпрянув под его взглядом.

— Точно, — спохватился Макар, — часы же… — и, вспомнив о своём интересе, поспешил вглубь зала.

Скрипнула дверца корпуса.

— Сонь, поди-ка сюда! Глянь, тут на месте механизма какая-то надпись. Не пойму, что написано.

— Это, наверное, клеймо мастера, — ответила Соня. С сожалением, но пришлось отложить заботу о книгах, потому как друг детства, в запале исследования утопясь внутрь корпуса, грозил сокрушить хрупкий артефакт.

Семён наблюдал. Ему были интересны эти двое: пара — или действительно приятели? Угадав Сонин манёвр с книгами, он дошёл до часов и теперь из желания смягчить её состояние подавленности выказывал неподдельный интерес к действиям Макара. Но в её лице, вопреки ожиданиям, отразилось недовольство. Она надулась! Это детское проявление растрогало его. Нет, в нём не было каприза, скорее беспомощность перед непосильной задачей. Глубокий вдох, осторожный выдох. Беспокойные ресницы за стёклами очков. Он знал, он буквально чувствовал, сколь тяжело ей было казаться бесстрастной. Вспомнился ум неискушённый, который легко входит в обман. Похоже, так и случилось. Его вежливость зародила в её душе что-то большее — что-то, в чём он не мог ей помочь. Слегка резануло в груди, но лишь слегка. И нет — стыдно не стало. Цинизм, как лекарство к исцелению, всегда был на своём месте. И хоть такая буря эмоций льстила ему, но девочку надо было срочно успокаивать. Не нашлось бы ей места рядом с ним. Она, тайком поглядывая на него, вряд ли смогла бы прочесть в его лице что-то, кроме едва заметной иронии. Но прямо сейчас, взрослый и опытный, он наблюдал — мягко, внимательно — и, видя её трогательную растерянность, поддавался искушению не думать о будущем и просто наслаждался моментом.

— Да нет! Смотри сама! Здесь, похоже, латынь! — настаивал Макар, не замечая ни страданий подруги, ни явного интереса к ней со стороны Семёна.

Часы были высокие, и, чтобы увидеть надпись, Соне пришлось встать на цыпочки. Так, втроём, голова к голове, подсветив фонариком, они пытались разобрать полустёртые буквы, и Соню окутал запах — чужой, чуть слышный запах липовой коры и древесного дыма. Вот если бы в романах это назвали сладкой мукой, то нет! — для Сони это была непереносимая пытка огнём, и не иначе! И вслед за запахом липовой коры на неё нахлынула самая что ни на есть настоящая злость.

— Да! Здесь латынь, — подтвердила она и прочла следующие строки: — Multum egerunt qui ante nos fuerunt, sed non peregerunt.

— И что это значит? Сонь, не томи! — изнывая, Макар в нетерпении заглядывал в её лицо, но она казалась растерянной, и здесь Семён признал свою жалость к ней.

— Это значит, — ответил он, — «Те, кто жили до нас, многое совершили, но ничего не завершили!» По-моему, Сенека…

— Да, спасибо! — буркнула Соня, порывисто отошла к стеллажу, сняла с полки первую попавшуюся книгу и, подоткнув пальцем очки, погрузилась в чтение.

Это был Тургенев. Повесть называлась «Ася». На странице сорок два было написано: «Она медленно подняла на меня свои глаза… О, взгляд женщины, которая полюбила, — кто тебя опишет? Они молили, эти глаза, они доверялись, вопрошали, отдавались… Я не мог противиться их обаянию. Тонкий огонь пробежал по мне жгучими иглами; я нагнулся и приник к её руке…»

Семён наблюдал краем глаза, как она вздохнула сдержанно, в задумчивости похлопала ресницами, аккуратно закрыла книгу и заботливо пристроила её на место. Он отметил изящество её тонких нервных пальцев. Нет, он не назвал бы их изящными. В его лексиконе не было таких слов. В его лексиконе нашлось слово «библиотечные», и так он их и назвал, и тут же задался вопросом: как у неё это получилось? Секунду назад упивался своим цинизмом как лекарством — и вот уже умиление и жалость к трепетным пальцам принуждали его отступить, дабы унять их затаённое смятение.

Но отступить, дабы унять, Семён не успел, ибо друг детства Макар всё сделал за него. Любопытству его не было предела. Он трогал и дёргал крепления на внутренних стенках корпуса и даже дул на них — так ему было любопытно.

— Макар, ну перестань, — безуспешно взывала к нему Соня и тянула за воротник. — Ну Макар, ну сейчас испортишь там что-нибудь, Макар!

— И что это значит? — напевал себе под нос Макар. Увлечённо, не отвлекаясь на протесты подруги, он продолжал исследовать пустоту корпуса. — Что же это значит?

— Я вот тоже думаю, не стоило бы, — добавил Семён не столько из заботы о часах, сколько из желания поддержать эту трогательную девочку в её переживаниях. — Всё-таки вещь антикварная, хрупкая, — говорил он, заглядывая в корпус поверх плеча Макара.

— Макар! — опять позвала Соня.

— Да отстаньте вы оба! — огрызнулся тот не оглянувшись, и тут внутри корпуса что-то деревянно щёлкнуло — по звуку было похоже, что отвалилось… Запахло старыми опилками. Макар чихнул и с опаской обернулся на Соню.

— Так! Ну всё! — готовая силой выволочь Макара из библиотеки, Соня схватила его за руку.

— Да погоди ты! — отмахнулся тот и, подвинув отошедшую от внутренней стенки панель, осторожно просунул в образовавшуюся щель пальцы. Секунда — и в его руке небольшой картонный футляр — чуть длиннее шариковой ручки и толщиной пальца в три.

Глава 6

В тишине они безмолвно смотрели на тубус. Поверхность его, вероятно, когда-то светло-коричневая, теперь приобрела цвет жжёного сахара. Жестяные крышечки на торцах были покрыты матово-белёсым окислом. От предмета исходил тонкий аромат древесной пыли и чего-то въедливо-аптечного — так пахнет бумага, впитавшая в себя дух старого дома.

Одна из крышечек сидела неплотно. Макар подковырнул её ногтем, и она подалась с сухим хрустом. Посыпалась мелкая рыжая крошка — остатки клея, превратившегося в труху. Осторожно наклонив тубус, Макар вытряхнул на ладонь тугой свиток. Вслед за ним выпала красная растрескавшаяся сургучная печать. Она скрепляла полуистлевшую зелёную шёлковую ленту, которой была прошита бумага свитка — сухая, как осенний лист, цвета топлёного молока и с неровными, словно обожжёнными временем краями.

— Разворачивать его сейчас я вам не советую, — благоговейным шёпотом прервал молчание Семён. — Рассыплется.

— И как быть? — спросил Макар. Боясь шелохнуться, он не сводил глаз с ладони.

— Вообще, — ответил Семён, — дело такое, знаете ли… Короче, находку эту полагается сдать компетентным органам. Сами понимаете…

Соня молчала, понимая.

— Понимаем, — кивнул Макар, — только, видимо, не до конца понимаем, что мы понимаем-то?

— Как бы объяснить-то доходчиво? — замялся Семён. — Здесь, друзья мои, двести тридцать третья гражданского.

— А если без занудства? — напирал Макар.

— Макар, — вмешалась Соня, — всё, что ты сейчас держишь в руках, мы обязаны сдать, ну, к примеру, в полицию. А иначе у меня начнутся серьёзные проблемы.

— Вы чё несёте-то оба? — возмутился Макар. — Куда это я должен всё это сдать? С чего?

Семён уж было вознамерился возразить, но, увидев Сонины глаза, наполненные тоской, пыл поубавил и отошёл. Сунув руки в карманы штанов, постоял в отдалении — вернулся.

— Трогать всё равно нельзя, — не сдавал он позиций, — ещё раз повторяю: если эта вещь имеет историческую ценность, а мы вскроем и повредим, нам пришьют порчу культурного наследия.

— Слушай-ка, — сказал Макар, подозрительно приглядываясь к Семёну, — а ты случаем не из этих, — он постучал двумя пальцами себе по плечу, — в смысле, не из тех?

— Из каких это — тех? — снисходительно переспросил Семён, с иронией понимая, что вновь оказался на грани провала. Интуитивная проницательность этих двоих его уже почти восхищала.

— Да из тех самых!.. — Макар в порыве сделал шаг навстречу.

— Так, ну всё! — воскликнула Соня, и оба замолкли, разойдясь. — Дай сюда! — приказала она Макару и протянула руку. Он набычился, но послушно пристроил на её ладонь своё сокровище.

Соня аккуратно вложила свиток обратно в футляр, пристроила его на столе между книг, и последующее молчание стало тягучим, как бесцельно проведённое время.

Макару времени было не жаль, в нём теплилась надежда на благополучный для него исход. И он виделся впереди, этот исход, потому как никто и не заикался о том, что надо бы кого-то известить об их неожиданной и ценной находке.

Соня, как хозяйка заведения, являлась лицом материально ответственным, но, как и Макару, ей не было чуждо стремление к познанию неизведанного.

Семёну было интересно всё: и что в свитке, и эти двое. И не хотелось ему, чтобы они, что называется, попали.

— Может, чаю? — бросил Макар.

Пожав плечами, Соня ушла в противоположный от стола угол, где за старой выбеленной печью и хлипкими этажерками с подшивками пожелтевших газет стоял кухонный стол. На нём — электрический чайник, покрытый разводами накипи не только внутри, но и снаружи, разномастные красочные чашки.

Общее настроение разладилось.

Макар, заложив руки за спину, выхаживал важно меж шкафов и напевал под нос какое-то дурацкое, повторяющееся четверостишие. Иной раз он останавливался, критически осматривал полки и подтыкал пальцем непослушно выбившуюся из стройного ряда книгу.

Семён, присев на подоконник, равнодушно провожал указательным пальцем муху, снующую по ту сторону стекла.

Чайник шумел — Соня глядела на него меланхолично.

Изредка поскрипывали половицы под ногами Макара. Время от времени слышался стальной лязг массивного браслета часов на руке Семёна. Нет-нет да и раздавался сдержанный вздох из-за печки, и тогда Семён закатывал глаза к потолку и качал головой, вздыхая ответно.

Соня подняла чайник с подставки. Тот прощально присвистнул. Семён обернулся на звук, поднялся и направился за печку. Макар заинтересованно двинулся следом за ним.

— Ладно, — сказал Семён, с минуту посмотрев на чайник в руках замершей Сони. — Поехали!

— Куда это? — насторожился Макар.

— В полицию? — спросила Соня, и в глазах её собралась вся мировая печаль.

— Ко мне — поехали, — самонадеянно не чувствуя беды, Семён усмехнулся и вышел из-за печки. — Реликвию свою не забудьте! — крикнул он уже с улицы.

***

Закрыв библиотеку, друзья подъехали к дому учителя и застали нового хозяина во дворе, у открытого багажника машины.

— Минуту, — сказал он гостям и ссыпал инструменты из синего пластикового контейнера на рогожку. — Пойдёмте!

Вошли в дом.

— Проходите в комнату, я сейчас.

Соня ступила за ситцевую занавеску, и знакомая обстановка вмиг вернула её туда, где было тепло и спокойно; туда, где в случае чего всегда можно было добежать до приветливой радости в мудрых глазах с прищуром.

Те самые книги, те самые фотографии над комодом. Александр Дмитриевич на монохромных снимках — совсем молодой ещё, в окружении ребят. Те самые ходики с мишками Шишкина. Глобус…

— Ну что — приступим? — услышала она за спиной и обернулась.

Семён поставил на стол контейнер. В нём на смоченном махровом полотенце уже покоилось блюдце.

— И как вы хотите это использовать? — не скрывая интереса, Соня рассматривала предметы, принесённые хозяином. — Что вы будете делать? Мы ничего не испортим сейчас?

Макар, расположившийся было в кресле, поднялся порывисто, подошёл ближе.

— Постараемся не испортить, — ответил Семён, не посмотрев на неё. По её голосу он понял, что она как будто забылась, напряжение отпустило её, и этого сейчас было достаточно.

— Но, в любом случае, язык придётся держать за зубами. Я надеюсь, это понятно? — он глянул на Макара.

— Оф корс! — ответил тот с видом великого одолжения.

Хоть и не было в словах Семёна определённой уверенности, но Соня доверчиво подала ему тубус.

— Как же я сам-то в инете прошарить не додумался? — воскликнул Макар и затылок почесал, когда, аккуратно пристроив тубус на блюдце, Семён прикрыл контейнер крышкой.

— Это потому что ты слишком умный, — сказала Соня.

— В чём ум? — поинтересовался Семён, снова глянув на её друга.

— В высокой пропускной способности, — ответил Макар снисходительно, в свою очередь с изрядной долей высокомерия посмотрев на Семёна.

— М-м! — уважительно кивнул Семён. — Значит, профдеформация, — заключил он, и Макар не понял, похвалили его эти двое или наоборот, но виду не подал.

Теперь они неотрывно смотрели сквозь прозрачный пластик, будто именно сейчас должно было случиться чудо.

— А дальше? — не вытерпел Макар.

— Дальше — ждать, — ответил Семён.

— Сколько ждать? — настырно прояснял ситуацию Макар.

— Часов шесть, плюс-минус, — пожал плечами Семён.

Соня вздохнула по привычке, Макар, отключив интерес, вернулся в кресло.

— Нет, — воскликнул Семён, — я предлагаю поужинать!

— Семён Олегович, а у вас картошка есть? — спросила Соня незамедлительно. — Макар бы почистил.

— Если колбасы в этом доме нет, — заявил тот, развалившись, и ногу на ногу закинул, — никакую картошку я чистить не стану!

Соня, как в книжках пишут, с немой мольбой посмотрела на Семёна. Она, видимо, хорошо знала своего друга и умела в критический момент направить поток его разрушительной энергии в русло энергии созидательной.

— Есть колбаса! — заверил её Семён. — Как раз вчера коту покупал! — он улыбался, и Соня видела в нём не посетителя библиотеки — малознакомого и потому непонятного, — а радушного хозяина — того, из детства, предупредительного и всё понимающего.

***

На ноги давила тёплая мягкая тяжесть. Не открывая глаз, Соня вспомнила чуть кисловатый в горечи вкус растворимого кофе, который они с тётушкой пили когда-то по утрам.

Тесная комнатушка без окна — темнуха за печкой. Здесь аромат кофе смешивался с запахом сырой глины и сажи. Чужой диван, шерстяной плед в полоску. Скрип половиц под осторожными шагами за ситцевой занавеской.

Стараясь не обеспокоить непонятно откуда взявшегося кота, Соня поднялась. Диван хрумкнул брюзгливо своими старческими косточками.

— Соня, — тут же раздался негромкий голос, — идите кофе пить.

Гостья появилась в ярко освещённой солнечными лучами кухне с недовольно-утренним выражением лица. Розовая ото сна она прошла мимо хозяина, и, вдохнув смесь воздуха с её парным теплом, Семён не повернул языка, чтобы пожелать ей доброго утра.

Не глядя на хозяина, Соня по-свойски подошла к небольшому чугунному рукомойнику в углу. Приподняв увесистую крышку, убедилась в наличии воды. Сняв очки, пристроила их на уступе печи. Трень-трень — и вода полилась тихонько в ладони. Умылась. Сняла с деревянного

самодельного крючка махровое полотенце. Ненадолго утонув в нём лицом, утёрлась — и Семён точно знал: оставила на себе запах липовой коры и древесного дыма.

— Я всё проспала, — констатировала она спокойно и принюхалась, приложив пальцы тыльной стороной к носу. — А Макар где?

— Должен подъехать, — ответил Семён. Жестяная баночка не устояла под неосторожной рукой, и теперь он, не отвлекаясь, старательно ссыпал со стола сухую пахучую крошку на ладонь и обратно в баночку.

Не ожидал он, что её сонный вид так ярко маханёт по нервам. Вчера она называла его уважительно Семёном Олеговичем, он её — трогательной девочкой, которой не место рядом с ним, а сейчас хаос измятых простыней плыл перед глазами отчётливо и неотступно. И сегодня с утра она, казалось, чувствовала себя здесь, в доме деда, увереннее, чем нынешний его хозяин.

В эти несколько секунд до духоты необходимой отстранённости, отвернувшись, чувствуя её не только спиной, но и всей кожей, Семён сдерживал дыхание, утяжелённое гулом сердца.

Она кивнула. Пристроила очки на переносице. Дошла до зеркальца, втёртого в стенку печи, поправила пальцами чёлку.

Услышав, как браслет чуть слышно цокнул о пуговицу блузки, Семён ополоснул руки и брызнул себе в лицо прохладой капель. Промокнул их полотенцем и, ощутив вновь нарастающее напряжение, чертыхнулся сквозь зубы и швырнул полотенце на уступ печи, где только что лежали её очки.

— Вы что-то сказали, Семён Олегович? — донёсся из-за печки её голос. Полный густой сонной патоки, он заставил Семёна вдохнуть резко и глубоко, но даже не воздуха, а самого её присутствия, эфиром разлитого в пространстве небольшого дома; и на смену затихорившейся злости пришла пьянящая ярость, о которую вдребезги разбилась её наивность. Он понял, что больше никогда не увидит в ней девочку-библиотекаршу, ибо, даже не думая о соблазнении, она забрала его дистанцию, просто не проснувшись до конца, и теперь безжалостно разносит его в куски, всего лишь тихо существуя в своём парном тепле.

— Да… — он прочистил горло, — кофе… Вы как? С сахаром?

— А что ночью? — спросила она, вернувшись в кухню.

— Всё в порядке, — не найдя других слов, он пятернёй убрал волосы со лба и указал на стул.

Соня села, потянулась к ящику в столе, выдвинула его и взяла оттуда чайную ложечку. Будничность её движений охлаждала утомлённый рассудок Семёна. Он смотрел на её библиотечные пальцы, на их спокойную уверенность и, отвлёкшись от самого себя, представил её маленькой школьницей, вбегающей в этот дом.

— Вы с моим дедом были дружны? — спросил он, присаживаясь напротив.

— Ой, — воскликнула Соня будто опомнившись, — простите!

— Нет-нет! Я не о том! Будьте как дома! Я про то, что он не был одинок?

Соня не ответила. Даже глаза опустила.

И Семён молчал. Стало неловко и стыдно. В её опущенных глазах ему виделся укор.

— А колбаса вчерашняя осталась? — спросила она вдруг. — Или кот доел?

— Нет, — сделав горячий глоток из керамической кружки с тёмным узором, Семён рассмеялся, — её доел не кот!

— Да! — согласилась Соня. — О чём это я? Здесь же был Макар! — и засмеялась так же непринуждённо, как и в день их знакомства. И ямочки на щеках, и зубки…

Смотрел на неё Семён и не мог уловить, чем она его так цепляет? Вот только что она выдернула его из ею же самой ненароком расставленной ловушки. Что это было? Чуткость? Великодушие? Он всегда считал, что это самые непригодные для жизни качества! Самые слабость выдающие качества! Раскрытой была эта девочка, как мягкая ладонь: бей — не хочу!

— Мне казалось, что такие, как вы, пьют только настоящий кофе, — сказала Соня, отпив сладко-горький напиток из такой же кружки, как у Семёна. Подняла глаза и пожалела о сказанном. Его лицо, секунду назад приветливое, стало непроницаемо.

— Какие — такие? — резко переспросил он, подвинув ближе к ней плетёную корзиночку с печеньем, и руки сложил на груди, словно уйдя в оборону, и на спинку откинулся, и глядел теперь точно в глаза — не мигая.

— Ну, — тут Соня запнулась, — парни иных масштабов, — осторожно объяснила она.

— Не вполне понимаю, о каких масштабах речь и чем одни парни отличаются от других, — говорил он негромко, отрывисто, от голоса веяло равнодушным холодом, но ему, казалось, было комфортно в этом холоде, и тон его резкий, прервав момент сближения в общем смехе, ставил Соню на место. Даже не так — откидывал назад. И хоть и сидел Семён напротив, а смотреть ему всё же удавалось свысока, с этим его острым прищуром, будто ответ он хотел не просто услышать, а из горла выцарапать.

— Ничем, Сонь, — ответил он за неё нетерпеливо. — Я люблю растворимый кофе — я пью растворимый кофе, — сказал он, будто точку поставил. Но она не сдалась. Включался в ней иной раз бесчувственный автопилот, если собеседник начинал вдруг давить авторитетом.

— А как же статус? — спросила она в отместку за грубость.

От него всё тот же тяжёлый холодный взгляд, но бровь чуть дёрнулась:

«Такая ты, значит, да?»

И что-то сродни острому интересу мелькнуло в том холоде.

— Какой статус, Соня? О чём вы? Вы знали моего деда — каким он был?

Её лицо — спокойное, как водная гладь в безветренную погоду. Спина прямая. Одна рука на столе, другая покоится на коленях. Никаких нервных пальцев сегодня не наблюдается.

— С вашим дедом мы пили чай, — ответила она задумчиво, и Семён с благодарностью увидел грусть, осветившую её лицо.

Теперь они обменивались фразами тихо — так тихо, что если бы за печкой кто-то притаился, то он не смог бы услышать из сказанного ни слова.

— А говорите — статус, — не сдержался он от упрёка. Он осознавал, что обижает эту безответную жаль, но не мог себя остановить или не хотел. Это была уже не просто злость — это была злость, подстёгнутая жгучим интересом. Он давил в попытке понять, насколько её хватит, и беспощадность свою перед ней постигал как очищение, как непосильный груз, сорвавшийся с плеч. Он даже не раздумывал, стоит ли так вскрываться перед этой приводящей в замешательство, но знающей себе цену наивностью.

— Когда я отправлюсь на переговоры, — продолжал он монотонно, — я повяжу удушающий галстук цветов последней коллекции, напялю до отвращения дорогой костюм, и машина моя будет сверкать, как гранёный бриллиант. Я буду прикидываться уверенным в себе непререкаемым боссом и пить до умопомрачения ароматный свежесваренный кофе. И всё это единственно из желания не вызвать в определённом круге лиц отторгающего чувства несоответствия. Это правила игры, Соня. Взрослой игры. Не более того.

Он говорил быстро, без остановки, не давая опомниться, и Соня чувствовала себя свидетелем преступления в комнате дознания.

— Какое многословное сегодня выдалось утро, — проговорила она отстранённо.

— Что вы сказали? — Семён напрягся.

Соня чуть заметно мотнула головой.

— А нахмурились почему? Вам не нравится подобный расклад?

— Не знаю, — ответила она, глядя на кружку. — Мне не приходилось играть по чужим правилам.

Мог бы он ей сейчас сказать пару слов о том, что она уже в игре по чужим правилам, и что позиция её априори слаба — белыми играть всегда сложнее. И что не достанет ей сил

выдержать ту правду, о которой по неискушённости своей она и помыслить не в состоянии. И что поражение её неизбежно!

— Семён Олегович, я не хотела вас обидеть… — сказала она, не подняв глаз, но положила ладонь на стол, будто в подтверждение твёрдости сказанного.

Семён отметил её более чем скромный прозрачный маникюр, крохотную родинку у мизинца.

— Я надеюсь, вы не собрались плакать? — поддал он равнодушия, сравнимого с презрением. — Боюсь, моя нервная система этого не выдержит.

Не знал он, чем смягчить теперь резкость незаслуженного ею выпада. Да и сама ситуация напрягала. Сопротивляясь чужой глупости, бежал из Торска — и что? Погрузился в глупость собственную, варианта: «Низость бытия vs Утончённый аристократизм».

Соня глянула на него. Ничто не выдавало его волнения. Та же надменная поза. Те же скрещённые на груди руки. Колючий, словно в ожидании нападения, пристальный взгляд. Он лишь чуть заметно покусывал губу.

Взяв было кружку с остывшим кофе, она бессмысленно посмотрела в её тёмную глубь, отразившую её в очках, и поставила на место.

«Он смеётся! Вне сомнений! Он и есть парень иных масштабов, не осознающий этого».

«И не думай, что я смеюсь над тобой! Я боюсь, что уйдёшь теперь, не выдержав моего страха, облечённого в хамство».

Ему невыносима была мысль, что в каждой следующей минуте, проведённой рядом с ней, он обнаружит скрытый изъян. Ведь не может так быть, чтоб без изъяна. И чем дольше он не проявлялся, тем больший страх испытывал Семён, привыкая к ней. Ведь нет разочарования более разрушительного, чем в минуту полного принятия.

— И долго вы ещё собираетесь Семёном Олеговичем меня величать? — рявкнул он негромко, через злость свою запутавшись совсем в оценке характера их противостояния.

— Я так на работу опоздаю, — пробубнила Соня. Поднялась порывисто. — Мне пора. Я пойду.

— А как же наши документы? — только и спросил Семён. — Сейчас Макар обещал подъехать.

— Где моя сумка? — спросила она строго, не обратив внимания на его довод. — Не могу найти!

Оглядываясь по сторонам, она прошла стремительно вокруг стола в комнате. Там под стопками книг, заботливо обёрнутые бумажными полотенцами, сохли раскрытые ночью документы. Соня задержала на них взгляд.

— Может, всё-таки дождёмся Макара? — спросил Семён, выходя из-за ситцевой занавески. В руках у него была сумка, найденная под диваном. В его голосе Соня не услышала высокомерия, сочившегося из него несколькими минутами ранее, — скорее просьба остаться. Именно это и заставляло уйти. Без Макара здесь становилось жарко.

— Некогда мне. Всего доброго, Семён Олегович, — негромко кинула Соня и вышла не оглянувшись.

— Белые начинают и выигрывают, — сказал парень иных масштабов. Выйдя следом за ней на крыльцо, он растирал напряжёнными пальцами подбородок. — Преимущество чёрных не гарантировало победу.

Девушка уходила не оборачиваясь по рыжей песчаной дороге, а ей навстречу с корзинкой в руках торопилась Света. Обстоятельство столь раннего визита молодой библиотекарши к холостому внуку учителя истории, как он понимал, теперь закрутит лихую интригу в пересудах местного бомонда.

— А я чего бегу-то? — кричала Света издалека. — Забыли вчера творожок-то?

Затем последовали объяснения, из которых Семён смутно усвоил, что муж Светланы ревнив невероятно, отчего и до развода доходило. К счастью, всё закончилось по уму, и благополучие их продолжилось в детях, коих было трое теперь: девочка старшая и два мальчика-близнеца.

— Вы на Николая-то моего не обижайтесь, — говорила Света примирительно, — ну что хозяина-то включает. Мы же все не без заморочек. Так ведь? — и в ожидании ответа заглядывала Семёну в глаза.

Тому было трудно. Голова его не была готова к приёму новой информации. С той минуты как девушка Соня спешно покинула его дом, мозг перешёл в режим ограничения по скорости. Это как если бы после оглушительно-шокирующего потрясения наступила тишина.

***

Вернувшись лишь к обеду, подругу свою Макар застал в тишине одиночества. Никакого движения в сторону разгадки тайны документов не наблюдалось, будто и не случилось днём ранее ничего необычного.

— А ты чё здесь? — спросил он, влетев вихрем. — А документы где?

— Там, где ты их и оставил.

Соня сидела за столом и, скользя пальцами по клавиатуре, внимательно смотрела в монитор.

— У тебя новые поступления? — спросил Макар. В его лице и суетливых движениях Соня могла бы увидеть озадаченность и нетерпение, но это в том случае, если бы посмотрела на него.

— Смеёшься? — только и ответила она.

— Так поехали к Семёну, чё ты сидишь-то?!

— Никуда я не поеду, — угрюмо отрезала Соня, и пальцы побежали по клавиатуре ещё быстрее.

— Сонь, — Макар подошёл ближе и наклонился к самому её лицу. — Чё случилось-то?

Как же он не любил женские заморочки вообще и Сонины в частности. Как его раздражал этот неприступный загадочный вид, эта выводящая из себя недосказанность.

«Неужели нельзя прямо сказать: так мол и так, обидел ты меня, обиделась я, обидели меня. Зачем напрягать не по делу? Нет — надо сидеть вот так, сопеть молча и наслаждаться своим надуманным изгойством. Ладно бы ещё сам виноват был, а то ведь получается — заодно с другими на земле!»

— Так — ладно, — спокойно бросил он, не дождавшись ответа, и направился на выход. — Я сейчас…

— Макар! — окликнула его Соня, но он исчез стремительно, не обернувшись.

***

К тому времени как Соня добежала до дома учителя, Макар уже сидел на ступеньке крыльца. Медные кудри спутаны, виноватый взгляд, тёмные круги под глазами. Опустив голову, он прикладывал холодное полотенце к затылку.

Она подошла и, тронув за подбородок, заставила поднять лицо.

— Ты чё не предупредила-то? — спросил он, жалобно морщась.

— О чём это? О том, что с ним так нельзя?

Услышав из прихожей её сдержанный голос, Семён мягко улыбнулся.

— Дай посмотрю! Руку убери! — прикрикнула Соня. — Да и вы тоже, знаете ли… — сказала она негромко, когда раздался скрип половиц за спиной.

Она не смотрела в его сторону не из злости. Она не смотрела на него из боязни рассмеяться, потому как воображение начитанного библиотекаря предъявило яркую картинку того, как Макар со всей грацией молодого, но неразумного самца выступил здесь против Семёна как боевой единицы.

— Сонь, ну оно само собой получилось, — только и сказал Семён в своё оправдание. Запустил пятерню в волосы, провёл до затылка, почесал там. — Не ожидал я… — указал он ладонью на Макара.

— Да поняла я! — перебила она его не обернувшись — её внимание было приковано к потерпевшему. — Вставай, поехали! — приказала она тоном, который в этой паре, как понял Семён, не обсуждался.

— Куда вы собрались-то? — вмешался он. — Ему за руль нельзя!

— Ничего, Семён Олегович, — откликнулась Соня, помогая пострадавшему подняться со ступеньки, — вы вот своё дело сделали, — кивнула она на затылок друга, — дальше мы как-нибудь сами.

— Так давайте я за руль сяду!

— Не стоит, поверьте, — управимся!

— Подожди, Сонь, а документы? — Макар, за всеми коллизиями не забывший об истинной цели своего пребывания здесь, пытался вставить слово, но Соня настойчиво тащила его к машине.

С крыльца Семён наблюдал за тем, как она устроила послушного друга на пассажирском сиденье, села за руль и, довольно-таки умело развернув изумрудное великолепие, направила его в сторону города. Затем, словно стряхивая с себя невероятность всего происходящего, он качнул головой, вздохнул тяжко и вернулся в дом.

Глава 7

Сонная тишина небольшого зала разбавлялась скрипом стула и жужжанием одинокой мухи, настырно бьющейся об оконное стекло.

Глядя на тёплое свечение вечера за окном, Соня вспоминала своё кресло в гостиной — она скучала по нему. И лампу вспоминала под розовым абажуром, и кружевную скатерть, и часы на стене, которые ходом своим привносили жизнь в пустой дом.

«Бесконечный какой сегодня день, — без излишнего стука в груди подумала она, увидев, как Семён заворачивает по дорожке к её обители. — Или это вчерашний никак не закончится?»

В ослепительно-белом лёгком спортивном костюме с капюшоном, оттенявшем загар лица, он выглядел и моложе, и старше. Резче обозначились морщины на лбу и у глаз, ярче выразилась мускулистость рук. Тёмные волосы, зачёсанные назад, выглядели как только что из салона.

«Правила игры, Семён Олегович? Ну да! Интересно, ты сам-то понимаешь, что делаешь, или это у тебя неосознанно выходит вот так вот глумиться надо мной? Вот сейчас ты войдёшь, а тут я — как та вчерашняя промокашка. Что там у тебя в руках? Похоже, старый атлас. Когда-то я любила его разглядывать. Неужто подарок решил мне сделать?»

Звякнули стёклышки.

— Добрый вечер, — поздоровался гость, приостановился, обвыкаясь в сумраке помещения, и улыбнулся — виновато как будто — и всё! Сердце, хоть и утомлённое, но всё же словно проснувшись заторопилось в его сторону, и Соня поняла, что сил на сегодня не осталось совсем.

— Не осталось совсем… — отозвалась она, занятая своими мыслями. — Ой! Простите! Это я, наверно, устала… Что это у вас? — кивнула она на книгу в руках Семёна. — Атлас?

— Да, — кивнул он, — нет… Я, наверно, тоже устал… День сегодня бесконечный какой-то… — добавил он, помедлив. — Это документы. В этой книге для них достаточно места. Ну что? Макару звоним? Кстати, как он? Не сильно я его?..

Со стола волшебным образом скатился карандаш. Соня кинулась его поднимать. Зачастив поначалу, Семён запнулся и умолк. Держать себя в руках становилось труднее.

— Сонь, я так понимаю, надо как-то… — подозревая её в сокрытии откровенной ухмылки, Семён заглянул под стол.

— Семён Олегович, — прервала его Соня, поднимаясь из-под стола, — неужто вы всерьёз полагаете — я могу обсуждать с Макаром то, что его мало касается? Его выводы — это всего лишь его выводы. Кстати, — указала она карандашом на телефон в его руке, — вы позвонить хотели.

«Как я это терплю? — спрашивал себя Семён. — Это же невыносимость какая-то! Топчусь перед ней как юнец прыщавый!»

Если накануне она вызывала в нём умиление и жалость, с утра — злость, то теперь он начал испытывать опасения.

«Рядом с ней любой, вероятно, почувствовал бы угрозу для своего авторитета. Судя по её поведению, такого понятия для неё вообще не существует. Пока я, в кои-то веки забывшись, наслаждался её замешательством, она прочла меня от корки до корки и отложила в сторону — как и роль наивной провинциальной девочки. Интересно… А если бы?.. Хотя что — „если бы“? Вон она: уткнулась в свой монитор — даёт понять, что неинтересен. Знакомая тактика. Многообещающая».

Под тихий переливчатый стук клавиш Семён дошёл до корпуса часов, прикоснулся к фигурке девушки. Вернувшееся воспоминание о парном тепле колыхнуло воздух…

Соня потёрла ладонью шею — серебро ударилось о пуговицу. Заложила руки за голову, потянулась. Вспомнив, что не одна здесь, обернулась. Семён был где-то за стеллажами, она его не видела. Вдохнула — выдохнула протяжно, как от большой усталости. Расстегнув воротничок, затихла и теперь, облокотившись о стол, задумчиво смотрела в окно.

— Отчего вам так весело? — негромко спросила она, когда из недр отпечатанной мысли донёсся негромкий смех Семёна.

— Здесь у вас «Божественная комедия» Алигьери затесалась к справочникам по садоводству. Или это умышленное соседство?

В ожидании ответа он показался из-за шкафа.

— В любом случае, — ответила Соня, не отрываясь от созерцания густой чащи за окном, — это предупреждение — ну вот вам, например, о том, что, прежде чем увидеть Белую розу в финале, придётся вручную перелопатить тонны чернозёма.

И тут Семён отчётливо понял, что если он не отступится от неё прямо сейчас, то его нервный срыв — это всего лишь вопрос времени!

***

— Это завещание, — прошептала Соня через несколько минут внимательного изучения документа, который лежал теперь на её столе. Она аккуратно переворачивала прошитые полуистлевшей зелёной лентой, чуть покоробленные после просушки, хрустящие листы. — Это духовная грамота фабриканта Демьянова — последнего владельца поместья в селе Каменка. Вы хоть представляете, что это значит?

В числе документов, датированных пятнадцатым годом двадцатого столетия, была и карта поместья с прилегающими к нему землями.

— Так это карта нашего города! — воскликнул Макар.

— Нет, Макар! — возразила Соня. — Это карта села Каменка за много лет до того, как оно стало городом Каменском.

— Ну, как тебе угодно! Сонь, а помнишь легенду про подземный ход между усадьбой и Народным домом?

— Конечно! В детстве мы даже мечтали найти этот ход! — оживилась Соня и, посмотрев на него, улыбнулась лукаво. — А ты о чём сейчас?

— Ну как? — Макар независимо пожал плечами. — Интересно же! Вот, смотри, — он осторожно вёл пальцем по потемневшему листку, — значки повсюду какие-то. Как их разгадать?

— Не знаю, что можно разгадать в этих закорючках? — ответила Соня, пожав плечами. — Их смог бы понять лишь тот, кто составлял этот документ. Стрелочки, крестики, кружочки — ничего не понятно. Может, был ещё какой-то документ, объясняющий обозначения? Знаешь, такой типа ключ, как в кино — одну часть послания прячут или отдают доверенному лицу, а другую оставляют себе или убирают в надёжное место и таким образом страхуются. Ну, то есть в таком случае без дополнительной информации эта карта не имела бы никакого смысла.

— А как думаешь, — спросил Макар, — где может быть вторая часть?

— Не смеши, Макар! Где угодно! Если она вообще существует!

— Нет — подожди! Вот в книжках твоих как бывает?

— Ну как бывает? Насколько у писателя фантазии хватит, так и бывает. К примеру, запрячет он его в гроб с усопшим. Ты что, в усыпальницу полезешь? Ты же не историческое общество, кто же тебе позволит?

— В усадьбе есть усыпальница? — спросил Семён.

Обернувшись, друзья вспомнили о нём. Подпирая плечом книжный шкаф, он стоял скромно, не выказывая особого интереса, и накручивал на палец шнурок от капюшона.

— Нет. Усыпальницы нет, — ответила Соня задумчиво. Приподняв очки, она потёрла устало переносицу. — Часовня была недалеко от хозяйского дома, у леса. От неё тоже теперь ничего не осталось.

— А Народный дом? — спросил Семён. — Это то здание у центрального перекрёстка, похожее на старинный локомотив?

— Да, именно, — кивнула Соня. — Оно было построено для рабочих архитектором Воскресенским. Сейчас это уже трудно представить, но к семнадцатому году здесь был не просто посёлок. В те годы жизнь здесь бурлила с поистине мировым размахом. И если бы не известные события, то город наш мог стать — как он и задумывался — мощным, живым индустриальным центром. Фабрикант Демьянов думал не только о прибыли, но и о людях, которые эту прибыль приносили.

— А! — воскликнул негромко Семён. — То есть часы?..

— Да-да! Ирония… Это то немногое, что осталось. Кстати сказать, именно рабочие в тридцать восьмом не позволили переименовать город на пролетарский лад. Они подписали прошение о сохранении исторического имени в память о том, кто позволил им почувствовать себя достойными людьми. И это явилось прецедентом! Тогда в людях жила благодарность к тем, кто строил для них добротные дома, больницы, школы, бани в конце концов. Теперь это забыто. Всё забыто.

— А что там сейчас — в Народном доме?

— Сейчас?.. — Соня скривила губы. — Сейчас там небольшой краеведческий музей. В уникальном своей акустикой театральном зале проходят дискотеки, боксёрские поединки. Паркет заёрзан. Интерьер убит пластиком, а под самыми окнами организована стихийная парковка.

«Суррогатом заменили они сердце твоё и совесть свою!» — вспомнила Соня недавно прочитанную в сети фразу. И фраза эта болью отразилась в её глазах.

— Но сам дом, — говорила она теперь, будто выйдя из реальности, — он ведь не просто памятник. Он символ твёрдой руки и упрямой воли творца, положившего жизнь свою на созидание величия.

Замерев, Семён смотрел, как, подняв руку, Соня словно очерчивала только перед ней представший образ. Едва ли не фанатично озарённое лицо. Взгляд, пронзающий толщу десятилетий.

Она замолчала, рука её медленно опустилась и нашла покой на груди. И пришла тихая скорбь по ушедшему. Казалось — здесь и сейчас замерли не только люди, но и неиссякаемые знания мира, отдавая безмолвную дань тому великому, итогом и подтверждением чего остался лишь пепел пожелтевших страниц на ладонях.

— Да, — тихо произнесла Соня, склонив голову, и теперь лишь беспокойные глаза выдавали смятение её мысли.

— Сонь, — позвал осторожно Макар, — так что, и могилы нет?

— Какой могилы? — словно возвращаясь в себя, Соня нахмурилась.

— Ну, могилы Демьянова?

— Макар, ты совсем, что ли? Ты куда собрался-то? Да и какая могила? Одни слухи о том, что тогда произошло — в семнадцатом.

— И ты хочешь сказать, — искренне возмутился он, — что, вся из себя такая умная, не знаешь историю родного края?

— Да, Макар, — развела Соня руками, — вот такая я… дипломированная недоучка. В каталоге хозяин числится как меценат и основатель, и там нет ни слова о его последних днях. Понимаешь, в семнадцатом люди превращались в призраков без документов и прописки. Я могу найти тебе статью о его гончих псах, если таковые были, но не найду ни строчки о том, как он умирал. Там — тишина.

Макар перехватил Сонину руку и застегнул пуговицу на манжете, она ответным жестом поправила его воротничок. Пройдясь пальцами по кудрям, заставила их послушно улечься.

Этот мимолётный порыв окатил Семёна ледяной волной непричастности к их миру — тому миру, в котором чужаку не было места, в котором они были прошиты друг другом насквозь, как эти старинные документы, скреплённые красной печатью.

— Тогда люди не уходили красиво в семейные склепы, — Соня смотрела другу в глаза. В её голосе слышалось сожаление. — Они просто растворялись. Могилы нет ни в одном реестре. Может, он сгнил в тифозном бараке под чужим именем, а может, его просто столкнули в колодец в собственном дворе. Хочешь знать правду? Бери лопату, иди копай за усадьбой — может, наткнёшься на истину. А у меня в книгах он просто перестал существовать в октябре семнадцатого.

— И всё-таки, — воскликнул Макар убеждённо, — это знак нам оттуда! И вход искать надо!

— Я в знаки не верю! Если в них верить, знаешь?.. Далеко завести может, — откликнулась Соня, а сама, в пику своему скепсису, вспомнила величественный дом с лазоревым небом вместо крыши и остро почувствовала тепло, исходившее от человека, стоявшего за плечом. Правда, человек этот последние минуты был будто чем-то озабочен, и Соня в простоте своей душевной отнесла перемену в его настроении к её удручающему монологу о семнадцатом.

— Ух ты! — воскликнул Макар, взглянув на оживший телефон. — Маман! Всё, ребята, я удаляюсь! Маман сегодня на курорт отправляется, надо проводить. Тебя подвезти? — он игриво посмотрел на Соню, перевёл взгляд на Семёна. — Или?..

— Я с тобой! — поспешно сказала Соня.

***

У покосившегося заборчика они простились. Протянув руку Макару и коротко кивнув Соне, Семён направился к дому у леса.

— Что это с ним? — спросил Макар, открывая перед подругой дверь автомобиля.

Соня же спохватилась, вспомнив, что ещё совсем недавно горела желанием поблагодарить Семёна за часовых дел мастера. Обернулась, но он был уже далеко — лишь белый костюм виднелся светлым пятном средь высокой травы, сквозь бьющее в глаза низкое солнце. Стало неловко, а следом вернулось пронзительное воспоминание о его одиночестве. И как-то забылся разговор о статусе…

— Сонь! — Макар в нетерпении пощёлкал пальцами у неё перед носом. — Ты где? Едем?

— Вот, всё из-за тебя! — процедила она сквозь зубы, усаживаясь в машину.

— А чё я-то сразу? — недоумение, отразившееся на лице друга, тут же сменилось безразличием. Макар вообще редко составлял себе за труд задуматься о причине чужих переживаний, искренне, зачастую не без оснований полагая, что к нему они не имеют никакого касательства.

— Слышь, Сонь, — сказал он, уже подрулив к её калитке. — А ты чё, реально веришь, что всё так и было? Ну, что рабочие в тридцать восьмом собственноручно расстрельный приговор себе подписали?

— Я нет, — ответила Соня невозмутимо. — Но людям гордиться чем-то надо. Как думаешь?

— Ну конечно! — воскликнул Макар пылко. — Наши лицемеры умеют гордиться тем, чего у них нет, не было и никогда не будет! Натужно по сусекам скребут, как им гордиться хочется. Совести хватает на свой счёт записать и футболиста знаменитого, которого случаем занесло в наши края, и составителя словаря толкового, которому посчастливилось родиться здесь! Будто и не мамки с папками их воспитывали и в люди выводили, а единственно наш

город! Да их родителям спасибо сказать надо и в ноги поклониться, что увезли они чад своих подальше от этого болота, а иначе не видать бы нам ни составителя с его словарём, ни футболиста, о котором и узнали-то благодаря чемпионату мира! Блин! Чё-то пробило меня не по-детски! — под конец своего непривычно развёрнутого монолога Макар почти кричал.

— Макар… — Соня тронула друга за руку — тот дёрнулся.

— Про писателя революционного вообще молчу! Одна табличка ржавая на руинах дома и осталась: «Здесь жил и творил…»

— Макар…

— Какая тут может быть гордость, Сонь?! Жесть позорная! Вот что это такое, а не гордость! А улицы, Сонь! Эти улицы, которые в честь героев Великой Отечественной названы? Ты видела дороги на этих улицах? И по этим дорогам мелкота местная каждый день до школы с рюкзаками шкандыбает постигать разумное, вечное!

Под конец досталось и рулю. Потом Соня молчала, Макар сопел, остывая.

— Блин, — прошептал он досадливо, — про мамку забыл совсем!

А Семён, шагая неторопливо, задавался вопросом: «Насколько близки эти двое? Она — скромный, без тени притворства работник библиотеки. До того проста, что лицо предательски выдаёт каждый эмоциональный порыв. Приятель её, в противоположность ей, обеспечен. Обеспечен и уверен в себе настолько, что обходится без пыли в глаза. Прямолинеен и грубоват. В общем и целом, с точки зрения человека постороннего, эти двое производят впечатление людей без камня за пазухой. Хотя всегда надо иметь в виду некоторую погрешность в расчётах. И пристальное внимание лишним не будет».

Подумав о пристальном внимании, Семён принял решение, потому как некоторые детали, не имеющие пока объяснения, заставляли действовать сообразно полученной информации и сложившимся из неё выводам.

Глава 8

Время текло себе провинциально-лениво, по-календарному сухо выдавая дни, одни похожие на другие.

Макар, увлёкшись зашедшим ему инсайтом, всё внимание сосредоточил на нескольких отксерокопированных листках. Напевая какую-то незатейливую мелодию, он разглядывал загадочные обозначения и, ничего совершенно не понимая в документах, которые видел перед собой, с поистине детской наивностью всё-таки вынашивал план кампании.

Семён со дня обнаружения исторической находки не появлялся.

Соня, не замечавшая ранее за собой склонности к примитивно-розовому романтизму, теперь всё чаще позволяла себе уноситься мечтами в только ей ве́домые дали и вздыхала… вздыхала…

Завещание владельца усадьбы фабриканта Демьянова было отправлено специалистам для подтверждения подлинности, и весть о найденном артефакте вмиг облетела город.

Повинен в том был Шнырь-в-Схематозе — вертлявая личность, родоначальник сплетен и слухов, до которых местное не слишком требовательное общество было так охоче. На какие кнопки ему приходилось нажимать, добиваясь своего, никто не скажет, но влияние своё он имел — он так настойчиво апеллировал к фактам, что факты иной раз начинали чувствовать себя неловко. Годами упорного труда распространил он свой навык и в высших эшелонах власти этого поставленного на колени города, и в органах, справляющих порядок и правосудие. Иной раз за неимением крепких рычагов давления Шнырь не брезговал и банальным подкупом, что позволяло ему оказаться на месте предполагаемого события едва ли не раньше самих участников этого события, возводя его деятельность из ранга примитивного ремесла в ранг подлинной философии.

***

К вечеру по привычке забежала баба Вера. Постучав заблаговременно в окошечко, она вошла в дом и с порога без околичностей спросила:

— Что это там за история с завещанием-то? А внучок здесь при чём? И как это так получилось, скрытная ты моя, что я ни сном ни духом?

Понимая, что утаивать смысла нет — город гудит, — Соня выложила всё как есть: и про Семёна, и про часы, и про завещание, и даже про версию Макара о подземном переходе.

— Да! — протянула баба Вера. — Тайны прошлого оживают иногда! И как бы тайны эти беды нам не принесли, вот что! — она многозначительно кивала, неотрывно буравя Соню подслеповатым взглядом.

Жизнь бабы Веры была накрепко связана с краеведением. Настоящая хранительница местных тайн: о чём ни спроси — на всё у неё готова такая быль, что ни в одной книге не сыщешь. Можно было, конечно, посмеиваться над её причудливыми сказками. Но…

— Загадками говоришь, баб Вер? — откликнулась Соня. Вспомнился неуёмный друг, и настороженность её сгустилась собравшимися за окном тучами, опустившими на город ранние сумерки.

В щель приоткрытого окна, играя складками тюля, влетал свежеющий ветерок. Звуки улицы с приходом вечера и в ожидании ненастья замирали, а за столом в небольшой гостиной текла неторопливая беседа. Лампа с розовым абажуром на кружевной скатерти, рассеивая мглу, дарила уютный свет. Часы на стене, раскачивая маятник, ненавязчиво отстукивали своё время.

— Деточка, а ты знала, — вкрадчиво спросила гостья, — что сын купца Демьянова Дмитрий поместье своё отстроил для молодой жены всего за год? Так хотел любимую порадовать!

Сложив натруженные руки на узорных переплетениях тонкой нити, баба Вера рассказ вела медленно, словно давала возможность, услышав, не торопясь прочувствовать каждое из слов, слетевших с карминовых уст.

— Белый особняк с прозрачным куполом над центральным залом. Оранжереи с обеих сторон соединяли дом с флигелями. В парке — впереди особняка и позади — пруды были выкопаны: один круглый, а другой прямоугольный. В каждом из них струился фонтан и плескались карпы, из самого Китая выписанные. А что до подземного хода, так о нём известно только по слухам, — баба Вера пожала плечами. — Как он был проложен — неведомо. В то время по всему поселению стройки грохотали. Работа споро велась. Дым коромыслом. Не до ходов тайных. Кто там что подмечать будет?

Подперев щёку ладошкой, Соня затихла. Интерес помалу переполнял её.

— Поговаривали, — вела дальше свою повесть баба Вера, — что свод в переходе и дно в прудах выложены были перламутровой плиткой. Отражая свет, перламутр умножал его в тысячи раз, и одной лампы хватало, чтобы залить сиянием путь на много метров вперёд. А пруды светились из нутра впотьмах, особо если ночь звёздная выдавалась.

Баба Вера рассказывала, и у неё самой глаза светились, как эти пруды, и лицо в мечтании своём становилось молодым совсем — семнадцатилетним.

— Баба Вера! — улыбнулась Соня. — Ну откуда ты это знаешь? Да и кто их видел — пруды эти перламутровые да фонтаны?

— Так ведь растащили всё! — очнувшись от сказочных грёз, воскликнула соседка. — Сама же знаешь, какой народ бывает! Он! Взять хоть соседа нашего с тобой! Несёт средь дня! Вот берёт прилюдно и несёт! А все ж думают, что своё несёт! Вот кто ещё так умеет, чтобы никто и не подумал?

— Кто это? Дед Герасим, что ли? — рассмеялась Соня. — Этот — да! Этот может!

— Вот то-то ж! И все знают, что ворюга — а поди ж ты докажи! А он знай себе посмеивается! Так! Подожди! Что там дальше-то было? — баба Вера нахмурилась, вспоминая, о чём сказ вела. — Да! В то время бабуля моя девчонкой молодой в поместье по дому помогала. От неё всё и знали — и мамка моя, и я. Рассказчица была — заслушаешься!

— Так у вас это семейное, баб Вер? — улыбнулась Соня и коснулась ладонями натруженных рук.

— Бабка рассказывала, — продолжила баба Вера, — хозяин женился, когда ему только-только двадцать пять исполнилось. Красивые были оба, добрые. В счастье жизнь свою начинали, в мире и согласии. На руках её носил. Малую прихоть угадывал. Всё тогда в имении их светлой радостью озарено было. Всё жило надеждами на ладное будущее. Да только счастье их недолго продлилось, — тут баба Вера приуныла. — Умерла молодая в родах. Оставила после себя сыночка. Хозяин, горем убитый, младенчика в охапку сгрёб и в покоях своих скрылся. Сутки не выходил, пока мальчик криком не зашёлся. Вышел чёрный весь, что уголь смоляной, маленького кормилице отдал, а сам — в парк. Бродил там всю ночь под дождём, как неживой, да всё вокруг прудов. Думали, утопится!

Вечер затих совсем, за окнами затемнело. Баба Вера говорила медленно, с сопереживанием, и девушка видела образы как живые.

— Домашние-то притихли все, но сторожа приставили, чтоб поглядывал издалека. А поутру, лишь только рассвело, вернулся хозяин, привёл себя в порядок, велел управляющему за хозяйством присматривать и уехал спешно. — Тут рассказчица взмахнула рукой обречённо. — Так и потекли его дни, один на другой похожие. Вдовство своё вперёд себя поставил и лишь в работе до изнурения спасение видел. Про сынишку не забывал. Каждый раз, бывая в усадьбе,

время для него находил. Любовался на него — черты отрады своей несбывшейся в памяти воскрешал.

Осмелевший сквозняк, нетерпеливо хлопнув створкой рамы, закрыл окно. Тюль обвис недвижно.

— Ох ты! — воскликнула гостья, взглянув на часы. — Время-то уж! Ритка-то моя заждалась, наверное. Обидится — молока не даст!

— Баб Вер! Так чем дело-то кончилось?

Любопытство заставило вскочить, и Соня кинулась вслед за гостьей.

— Потом, деточка моя, потом! — махнула та сухой ладошкой и заторопилась к выходу. — Успеется ещё!

***

Простившись с бабой Верой, Соня повернула было к дому, но от калитки её окликнул незнакомый голос. Она оглянулась и с удивлением увидела низкорослого, сухожилого старика — только что помянутого деда Герасима. Грудь его, как и всегда, была выпячена, жидкая седая бородка вздёрнута, а шея выгнута кадыком вперёд так, что при всём уважении Соня вновь сравнила его с не по делу хорохористым индюком.

Просунув пальцы меж штакетин, он по-свойски открывал хлипкий запор.

— А я, вы знаете, — говорил он, направляясь к крыльцу, — собрался до речки дойти, проверить — там у меня донки стоят — и вспомнил, что спички забыл. Такая незадача, знаете ли… Оно, может, и не пригодятся, но на всякий случай…

Несмотря на подчёркнуто важный вид, движения деда Герасима были суетливы. Он как-то пружинисто переминался с ноги на ногу, нервно жестикулировал руками — словно признавая свою несуразность, старался побороть глубокую неуверенность в себе. И голос его — не по-мужски высокий и с сиплой хрипотцой, будто не спрашивал, а испытывал, — так верно говорила бы женщина очень преклонного возраста, любительница чужих секретов и дешёвых сигарет.

— Да, да! Я сейчас! — воскликнула Соня и прытко скрылась в доме.

Порывы ветра усиливались. Деревья клонились послушно под их напором. Одинокие капли уже стремились с поднебесных высот к земле, и, вернувшись со спичками, Соня указала на мрачно набрякшее небо:

— Только куда ж вы, Герасим Петрович? Дождь ведь скоро начнётся!

Но Герасим Петрович, не сказав больше ничего, кроме «спасиба», вышел за калитку и, не закрыв её за собой, зашагал дальше.

«Странно, — Соня задумалась на миг, — какие донки?.. Хотя что мне?..»

***

К ночи после изнурительной жары началась гроза. Подгоняя поздних прохожих, она шла над городом. Разряды частых молний, сопровождаясь оглушительным треском, озаряли мокрую листву и отражались в длинных плетях дождя. И те, словно испугом подстёгнутые, хлестали без устали, омывая оконные стёкла, и грохотали по крыше, наполняя водосточные желоба.

Устроившись в мягком кресле и разложив на коленях старый альбом, Соня рассматривала чёрно-белые снимки усадьбы Демьянова.

«Ничего лишнего!» — удивлялась она. В отделке дома не было никакой помпезности. Всё в нём выдавало сдержанный вкус хозяина.

Из-за шума ливня и частых раскатов Соня не сразу поняла, что в дверь стучат. Откинув плед, она нехотя вылезла из кресла.

Как только раздался щелчок запора, дверь подалась, и высокая шуршащая тень оттеснила хозяйку внутрь прихожей.

— Чё не спрашиваешь кто?

Придерживая ладонью готовое вырваться сердце, Соня молча наблюдала, как с дождевика Макара стекает вода.

— Я думала — баба Вера! — прошелестела она. — Ты нормальный вообще?!

— Да ты как будто не рада!

— Я рада! — прикрикнула Соня. Струхнув малость, она поддалась желанию выплеснуть накатившее недовольство. — У меня сегодня вообще день открытых дверей! Зачем так поздно?

— Может, чайку? Горяченького!

Сняв дождевик, Макар откинул его не глядя, потёр ладони, потом — щёки.

— Так ты чай пить приехал? — Соня взяла строгий тон, решив не дать другу детства задержаться на подольше, но прошла на кухню и включила чайник. Тот зашумел недовольно — видимо, тоже решив, что пора не для гостей.

— Ну так делу же время, а потехе час! Ну что! Показывай фронт работ! — бодро воскликнул Макар, дождавшись горячего чаю, и прихлебнул громко.

— Какой фронт, очумелый? — удивилась хозяйка.

— Погоди — сама ж звала!

— Я звала?

— Сонь, не напрягай! — набычился Макар. Спешно вытащив из кармана телефон, он сунул его под нос подруге. — Твоё послание?

— Как такое может быть? — озадачилась Соня, прочитав сообщение о том, что в её доме на чердаке образовалась течь и не мог бы он, Макар, приехать и помочь залатать дыру в кровле. — Залатать дыру в кровле… — пробубнила она. — Это что ещё за колорит?

Она знала, что не отправляла это сообщение. Голова её подтверждала, что она не отправляла это сообщение. Скрытное настойчивое влияние извне доводило напряжение между двумя этими составляющими до звенящего в ушах предела. Сказать было нечего. Тот момент, когда рассудок, чувствуя угрозу, сопротивляется навязанным, липким, не имеющим места быть вводным.

— Ну вот — сорвался, приехал! А ты, походу, и сама в непонятках! Телефон твой где, тетеря?!

Ничего не ответив, тетеря открыла сумку и вытряхнула содержимое на стол в гостиной. Так же молча, сосредоточенно и методично обшарила карманы одежды на вешалке в прихожей. Нашёлся телефон в кармане старой куртки. Соня смотрела на него так, будто впервые видела. Не в силах справиться с раздвоенностью в сознании, она продолжала молчать.

— Тетеря ты, Соня! — повторил Макар, не упустив случая подшутить над своей не в меру умной подругой. — Тетеря и есть!

— Я не тетеря! — воскликнула подруга. — И крыша у меня не течёт, как бы кому-то там ни хотелось! И телефон я всегда ношу в сумке, а не в кармане! И куртке этой сто лет в обед, я в ней за дровами хожу! Как это вообще возможно — скажи? — она протянула ему телефон.

— Так! Дай посмотрю! Ну, пароля, конечно, нет! Ты даёшь, подруга! Ну вот, смотри — двадцать один пятьдесят четыре. Всё правильно. Что тут у тебя было в двадцать один пятьдесят четыре — вспоминай.

— Что тут было? — Соня задумалась. — Баба Вера была.

— Ещё? Ты сказала: проходной двор…

— Ну… Дед Герасим был. Но он в дом не заходил.

— А зачем был?

— За спичками.

— И чё, часто он к тебе за спичками?..

— Первый раз.

— А дверь нараспашку всегда!

— Ну…

— Так — ладно! Давай теперь абстрагируемся и подумаем! — сказал Макар непривычно серьёзно, присел к столу, и подруга его улыбнулась. — Да, — пояснил он, ничуть не смутившись, — я выучил новое слово и даже знаю, что оно значит!

— Ну не обижайся! — произнесла Соня мягко и примирительно положила ладонь ему на руку. — Давай абстрагируемся и подумаем!

— Ну смотри, — продолжил Макар. — Если ты и сообщение не писала, и крыша у тебя не течёт… — во взгляде, брошенном на неё, и в голосе угадывалось сомнение.

— То что?! — воскликнула Соня и вскочила. — И давай без намёков! Спать уйду, и сиди тут один!

— Ну всё-всё! — воскликнул Макар, схватив её за руку. — Не злись! Садись, не буду больше. Или буду. Но потом!

— Макар, — Соня вздохнула, с укоризной посмотрев на друга, который явно забавлялся её растерянностью. — Правда, уйду.

— Да! И тогда мы не узнаем, кому приспичило, чтоб меня дома не оказалось! Как-то так! Или не так?

— Судя по всему, так! — кивнула Соня и опустилась в своё кресло. — А зачем?

— Поеду-ка я обратно, вот что! — засобирался друг детства. — А ты пока вспоминай, кто вокруг тебя сегодня ещё крутился? И дверь никому не открывай! Что ты как маленькая-то вечно!

А Соня его не слушала.

— Подожди, я с тобой! — донеслось уже из спальни, где, накинув на плечи толстовку, она прыгала на одной ноге, спешно натягивая штаны. — Заодно прослежу, чтоб ты сам никуда не влез!

— На профессиональном жаргоне это называется — на шухере постоять! — засмеялся Макар и тут же, задумавшись, поскрёб ногтем висок. — А вообще-то знаешь, что я тебе скажу?.. Хотя ладно, — махнул он рукой, — в машине посидишь.

— Как угодно, — согласилась Соня. Пара минут — и вот она уже в прихожей расторопно надевала куртку и резиновые сапоги.

***

Стемнело совсем. Небесная прохлада к ночи возобладала над прогретым за день дыханием земли. Гроза в приглушённых раскатах ушла дальше — за лес, но вода всё так же лилась с небес, видимо, решив умыть город как следует.

Вырулив с разъезженной грунтовки на главную дорогу, Макар осторожно спросил у подруги, давно ли она видела Семёна.

— Почему ты спросил? Ты думаешь?..

— Да нет! — неопределённо буркнул он, будто отмахнулся.

«А что? — размышляла Соня. — Ведь и в самом деле странный он, этот Семён Олегович. Так-то разобраться — ну какой образовательный центр? Какой интерес к родине предков?»

Сквозь мельтешение дворников Макар не отрываясь всматривался в разбитое полотно асфальта. Как бы ни торопило желание скорее вникнуть в суть происходящего, ночная дорога,

являясь скорее препятствием, чем привычной средой без сопротивления, заставляла продвигаться осторожно и вдумчиво.

«Может, он и не Семён Олегович вовсе, — продолжала накручивать себя Соня. — И вся его легенда — так, для отвода глаз. И в нашем захолустье он, к примеру, прощупывает почву на предмет расширения сферы влияния. А иначе зачем бы ему понадобилась информация о предпринимателях?»

Тряхнуло ощутимо. Встречная машина на выбоине ливанула грязью в лобовое стекло. Макар выругался не стесняясь. Соня очнулась, тряхнула головой: «Сферы влияния… Бред какой-то!»

— Приехали? — спросила она.

— Две лужи — и мы на месте! — пообещал Макар.

К дому подъезжать не стали. Машину оставили на пригорке в начале улицы, под молодыми соснами, там, где потемнее.

— Короче, так! Сиди здесь! — велел Макар. — И если что…

— Я с тобой! — Соня схватила его за руку — одиночество в темноте казалось страшнее, чем неизвестность с Макаром.

— Только не лезь никуда! — процедил он ей в самое ухо, признавая, что и самому спокойнее, если она под приглядом будет. — Блин… Отвратительное чувство, конечно! — оправдал он своё раздражение. — В собственный дом как вор крадусь!

Под сапогами, хлюпая, разъезжалась слякоть. Тяжёлые капли настойчиво барабанили по капюшонам и, оглушая, мешали слышать.

В любую другую погожую ночь с пятачка в центре города сюда долетал сумбур резких звуков: рёв прямоточных моторов, визгливый девчачий ор и низкочастотный гул акустических систем. Но не сегодня: дождь разогнал местных шнусов, ставших полноправными хозяевами тёмного времени суток, по укромным норам, и на возвышенности заречья утвердилась гулкая в монотонности, заполненная дождём тишина.

Беспрестанно оглядываясь, друзья двойной безмолвной тенью метнулись к калитке. Там Макар, придержав подругу, указал на отодвинутую щеколду. Соня кивнула, но в кромешной тьме он этого не увидел — тронув мокрые кованые завитки, он толкнул калитку и уже шёл по дорожке, ведущей к крыльцу.

В настойчивом шуме дождя не было слышно ни звука, только вода иной раз, словно потревоженная неуклюжим касанием, срывалась с листвы и заставляла озираться настороженно. Не дойдя до ступеней, Макар остановился. Схватив его за дождевик, Соня затихла позади.

Дом дышал мраком — казался неприветливым. Его оконные стёкла размыто отражали огни далёких фонарей, а распахнутая дверь зияла непроглядной мглой, будто предупреждая о присутствии незваного гостя.

Замерев, хозяин вглядывался напряжённо в глубинную черноту своего жилища, но ничего не видел, кроме жёлтых кругов, плывших перед глазами.

Взмах рукой в сторону кустов — и Соня послушно юркнула в их неуютную, промозглую сень. Втянув голову в плечи, она спрятала продрогшие кулачки в карманы и, ёжась, замерла вопросительным знаком. Сам Макар, только сейчас сообразив, что впопыхах не захватил из машины телефон, осторожно, но решительно поднялся по ступеням и, бесшумно переступив порог, скрылся в чернеющем чреве.

Страшась двинуться, Соня заполняла воцарившуюся в голове пустоту отсчётом секунд: одна, вторая…

В доме что-то громыхнуло — послышался вскрик. Дальше — возня, перемежаемая дребезжанием и матерной бранью. Один громкий болезненный вздох — и всё стихло…

В окнах вспыхнул свет.

— А ты как тут?! — воскликнул Макар. Он стоял в ярко освещённом проёме двери. В резком голосе — злая досада. — Сказал же — не лезь!

— Без понятия, — Соня оглянулась и пожала скованными тревогой плечами. Она не могла объяснить, как, секунду назад прячась под кроной сирени, оказалась здесь — на ступенях крыльца.

Войдя в дом, Соня не сдержала вскрика.

— Только не начинай сейчас! Дай оклематься! — кривя губы и тяжело дыша, Макар растирал локоть.

— Дай посмотрю? — сказала Соня, не принимая на свой счёт резкость друга. Помогла снять дождевик и осмотрела руку.

— Да, блин!.. В темноте маздыльнулся!

— Так-то вроде ничего страшного, но завтра опухнет, скорее всего. А коленка? Кровь, смотри! — Соня наклонилась, чтобы разглядеть получше оттянутую в колене штанину, которая багровым влажным пятном липла к ноге.

— Так, говорю же, саданулся всем прикладом! — гнев накрыл Макара и нёс дальше. — Прикинь, мразь какая-то гадила здесь! — кричал он в бешенстве. — Граблями своими лапала! — взгляд его метался от одного предмета к другому. Он и сам готов был пинать и расшвыривать, лишь бы сделать чужой беспорядок своим.

— Следы, — прошептала Соня оглядывала кавардак и сквозь пропитывающий её страх силилась остаться в ясности ума, потому как Макара колотило от бешеной брезгливости и вряд ли он способен был адекватно рассуждать.

Следы еще сырые, мутные, не успевшие просохнуть. Как намеренная насмешка — они были повсюду, даже на спинках громоздких перевёрнутых кресел. Одни лёгкие, в россыпи кружочков и завитков — похоже, что от кроссовок, другие, с широкими полосами — от резиновых сапог. И постороннее присутствие висело в воздухе запахом — чужим, приторно-сладким, из тех, что на рынке отдают по рублю за дюжину.

— А это что? — Соня присела над крупным, тяжело вдавленным в пол, геометрически чётким рисунком протектора. — Это что-то армейское?

— Берцы, да, — отозвался Макар, едва глянув, и задумался, как-то стихнув разом. — Странно.

— Что?

— Ну смотри, — Макар опустился рядом. — Столько следов везде одинаковых, а этот один, видишь? Нет таких больше. Будто не случайно оставили, а намеренно.

— Да. Разношёрстная публика, — заключила Соня. Она осматривалась, переступая осторожно.

По сбитому ковру разбросаны были бумаги, диски, осколки хрустальной пепельницы. Зеркало-трюмо в прихожей, всё в разбежавшихся трещинах, отражая, умножало хаос.

— На кухню не ходи, — хмуро предупредил Макар. — Чаем угостить я тебя не смогу. Там всё согласно классике: кофе, мука, рис и далее по списку, — махнул он рукой.

— Пропало что?

Макар кивнул, выражение его лица сменилось, и теперь в нём было что-то от обиженного подростка. Отвернувшись, он прятал глаза, сжимал губы, подбородок его напрягся.

Жалюзи на окнах в просто обставленной комнате за стенкой свисали порванные. Старенький учебный стол был первозданно чист, будто лютая злоба смахнула с него всё, что было на нём до того. И спутанные провода, раскиданные по полу, валялись теперь сиротливо и бесцельно, потому как компьютера не было.

— Давай скажем спасибо, что тебя из дома выманили, а то ведь могло быть и хуже, — осторожно проговорила Соня и, заглянув в глаза, потрясла его за руку тихонько.

С отрешённым видом Макар качал головой. Вспышка негодования опустошила его — казалось, лишила сил. Теперь он был безучастен.

— Может, полицию вызвать? — спросила Соня на всякий случай.

— Да, Сонь, — отозвался он равнодушно, — понаедут люди в штатском и кинутся искать мою пропажу. Сонь, я по околоткам мотаться устану, бумажки подписывать.

Подруга кивнула.

— Ладно, — вздохнул он, — я ремонт давно собирался сделать.

— Макар, ты умница! — заторопилась Соня. — Только нехорошо тут. Давай ко мне сейчас? А это всё — оставим до завтра.

На обратном пути их не отпускала мысль, зудящая вопросом: неужели из-за компьютера, хоть и невероятно дорогого, кому-то взбрело в голову устроить такой погром?

А хозяин дома у леса — того, что за ромашковым полем, — отстранённо, но пристально следил за происходящим. Вспоминая старинные часы, он со всей полнотой ответственности воспринимал происходящее как результат своей — хоть и ненароком, хоть и из благих побуждений, но совершённой — ошибки. Не имея возможности что-либо немедленно предпринять, дабы вывести этих двоих из-под удара, он мог лишь, наблюдая за дальнейшим ходом событий, оберегать их по мере сил, не обнаруживая себя.

***

Ворочаясь без сна, Соня слушала мерное, тихое сопение Макара за стеной. Если бы её спросили: «Что их связывает, таких разных, что заставляет в нужную минуту быть рядом?» — она бы вспомнила, как в детстве спасала его от неприятностей.

Им было по четырнадцать, когда мальчишки поспорили, кто больше шоколадок вынесет из магазина. Макар попался с первого раза. Теперь, много лет спустя, Соня диву давалась, как ей тогда удалось прорваться через дежурного и убедить инспектора по делам несовершеннолетних — эту тётку неопределённого возраста в роговых очках и с жёстким пучком пепельных волос на затылке, что Макар хороший и его надо отпустить.

Непосредственность четырнадцатилетней девочки, её смелость и убеждённость в своих доводах, видимо, сразили сердце женщины с усталыми глазами. Отвернувшись к окну, она спокойно выслушала Сонин монолог и, подумав недолго, сказала юному нарушителю: «Береги её. Таких друзей подводить нельзя».

Потом они стояли в городском парке под цветущей липой: она, плача, отвешивала своему недотёпе-приятелю леща одного за другим, а он, втянув голову в плечи, терпел и молчал.

Глава 9

К утру дождь уступил место солнечным лучам, которые, уверенно разогнав небесную хмурь, заставляли омытый мир парить. С водостоков падали запоздалые капли. Перекличка петухов нарушала гармонию тишины, ставшую особенно чуткой после перенесённой стихии, а с кухни доносился непривычный звон посуды — это Макар, вполне оправившись от ночного кошмара, готовил завтрак.

— Сгорел сарай — гори и хата? — недовольно бубнила Соня.

Поёживаясь и хмурясь, она запахнула халат покрепче и пристроилась на табуретку между столом и холодильником.

— Я старался! — Несмотря на битую посуду и недовольство хозяйки, Макар сиял.

— Вижу, — вздохнула Соня, подсчитывая понесённые по вине друга убытки. — Какие планы?

— План один! — отозвался Макар, раскладывая щедро нарезанные колечки колбасы на подогретые ломтики белого хлеба. — Понять, кто украл телефон, выманил меня из дома и для чего.

— Ответ очевиден, — Соня невозмутимо пожала плечами и откусила от дольки колбасы, украденной с тарелки Макара. — Кому-то очень нужно то, что есть у тебя, но нет у него!

— Это тебе во сне пришло? — Макар усмехнулся и поставил перед подругой чашку горячего чая. — Хотя логика в этом есть. Кстати! Ты пока там храпака давала, я метаданные просмотрел. Из твоего района сообщение отправлено. Так что думай, кто злодей? Баба Вера, дед Герасим или кто тут у тебя ещё был? Популярна ты, я смотрю, до неприличия! Семён этот твой…

— А почему мой-то? — возмутилась Соня, но сама формулировка ей понравилась.

— Ну он же не ко мне в помощники записался. Да и странный он какой-то. Наблюдает как будто всё время — не договаривает. Не нравится он мне!

«А мне нравится!» — думала Соня, и упрямые мысли увлекали её. — А если молчание — золото, то по сравнению с тобой — балаболом, он просто золотой человек!

— А чёй-та я балабол-то?

— Кто балабол? — переспросила Соня и недоумённо подняла на друга глаза.

— Ну ты только что сказала, что я балабол!

— Что ты несёшь-то? Когда я успела? — в лице Сони отразилась детская безгрешная чистота, но Макар на этот давно известный трюк не повёлся.

— Пипец, Сонь! Ты уже заговариваться начала со своим Семёном! Проснись уже — чай пей! Летает она!

Соня вздохнула сокрушённо. По большей части она признавала правоту друга. Обхватив ладонями горячую чашку, она подула на себя отражённую и подумала: «Может, кофе купить? Растворимого. В жестяной баночке».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.